

СМЕНА

Двухнедельный военный журнал ЦК ВЛКСМ

ЛЕДОВОЕ ПОБОИЩЕ

Картина художника Ю. Трузе

В номере: Передовая — Так было — так будет! ● В. Сафонов — Князь непобедимый ● Л. Успенский — Человеческий поток и плотина ● И. Чабров — Умей зарываться в землю ● С. Нагорный — Воинская страсть ● А. Харитонов — Разведка боем ● Р. Николаева — Начало ● С. Вальдгард — Когда приклад толкает плечо ● В. Беляев — Палачи прячутся ● В. Якубович — Рур надо бомбить ● Л. Длигач — Оружием художника ● А. Абрамов, Ю. Долгушин — Как действует полуавтомат.

15-16

Цена 2 рубля

ОТКУДА И КАК ЛУЧШЕ СТРЕЛЯТЬ?

Майор М. Озеров

Комсомольцы Ахимаев, Лавринчук и Дмедковский вторым сдерживали наступающий взвод гитлеровцев. Метким огнем они поражали врага. Шестнадцать атак отбила комсомольцы, истребила свыше трех десятков фашистов, не понеся при этом потерь. Чудо? Нет, чуда здесь нет. Есть то умелое владение огнестрельным оружием, то превосходное знание ратного дела, которые и обеспечивают успех любого, даже сложного боевого задания.

Храбрая тройка, о которой писалось выше, не только хорошо управляла огнем: она выбрала отличное место для стрельбы. А это много значит. Боец должен так расположиться, чтобы легко видеть все, что делается вокруг него, чтобы ничто не мешало ему вести прицельный огонь.

Заняв место, боец должен быстро замаскироваться и, чтобы укрыться от пуль неприятеля, окопаться.

Как легче всего это сделать?

Если на вашем пути встретится пеня, ложитесь с правой стороны пня, медленно и осторожно высуньте голову, не поднимая ее над землей. Причем прятать за пнем надо не только голову, но и все туловище.

Так же следует использовать каждый буророк, кустик, выступ.

Если приходится вести огонь с крыши дома, то, чтобы не обнаружить себя и защититься от пуль противника, благоразумнее лечь рядом с дымовой трубой, в тени.

Но вот стрелок уже нашел нужное и удобное место. Теперь он должен найти или сделать упор для винтовки.

Для этого можно приспособить пенек, буророк, булыжник и т. д. А если место ровное, гладкое, даже камешек отыскать трудно, что в таком случае делает боец? Он кладет винтовку справа от себя, достает малую лопату и, лежа на левом боку, отрывает окоп. Отрытую землю он отбрасывает вперед и создает из нее нечто вроде «kozyрька» — отличного упора для винтовки.

Этот упор должен быть обязательно замаскирован — летом — травой, зимой — снегом.

Чтобы легче было рыть окоп и скорее укрыться в нем, лучше всего использовать воронки от снарядов, канавы, насыпи и т. д.

Как только боец закончит маскировку окопа, он сразу же изготавливается для стрельбы и заряжает винтовку.

После перебежки для обмана противника боец не сразу ложится на выбранное место, а несколько в стороне от него, метрах в 3—4. Потом он должен незаметно переползти на выбранную позицию и подготовить ее к стрельбе, измерить на глаз расстояние до ориентиров и открыть огонь.

Мы все время говорим, что боец будет

лежать на земле. Это понятно. Стрелять лежа значительно удобнее, чем в каком-либо другом положении. В бою стрелку чаще всего приходится поражать мелкие цели, которые противник всячески маскирует. Они появляются неожиданно и быстро исчезают или передвигаются с места на место. Поэтому стрелок должен быстро и метко стрелять. Удобней всего это делать лежа.

Как надо ложиться?

Обычно боец принимает это положение перед открытием огня. Если посмотреть, как это делает опытный боец, то можно сказать, что стрелок камнем упал на землю. Причем он не ушибся, взял правильно винтовку и лег так, что ему удобно взять патрон, зарядить ружье.

Давайте мысленно замедлим движения бойца и проследим, как он ложится.

Сначала стрелок поворачивается вправо на правом каблук и левом носке. В то же время он выставляет правую ногу на полшага вперед. Затем он правой рукой наклоняет винтовку дулом по направлению к цели и быстро опускается на левое колено, опираясь на землю сначала ладонью левой руки, затем локтем, и ложится на левый бок.

В то же время он передает винтовку в левую руку и кладет ее на ладонь левой руки под прицел. Приклад упирается в землю. После этого боец заряжает винтовку.

Ничего сложного в этом как будто нет. Но попробуйте проделать быстро и ловко то, о чем говорилось сейчас. Сколько задержек будет на каждом повороте! Но это не должно смущать вас. Потренируйтесь как следует — и вы добьетесь автоматически четких движений. Потом, на поле боя, вы с благодарностью вспомните об этих упражнениях.

СМЕНА

Военный журнал ЦК ВЛКСМ
№ 15—16. Август 1942 г.

Так было — так будет!

В 1241 году, воспользовавшись предательством Твердылы Иванковича, оказавшегося у власти в Пскове, немцы ворвались в важный город и над исконной русской твердыней водрузили флаг меченосцев.

«Покорим всех славян! Сделаем их рабами своими, а все их достойные заберем себе!» — хвастались немцы.

Враг захватил Изборск и Копорье, разорил села по реке Луге и уже приближался к стенам Великого Новгорода.

Но не сдался древний Новгород. Во главе русского войска стал князь Александр Ярославич (Невский). От края и до края разнесся его призыв:

«Русь в опасности! Все помыслы, все силы, все достойные — на борьбу против лютого врага! Освободим Копорье и Псков! Изгоним немецкую нечисть прочь со святой Русской земли. Не бывать немцу хозяином в наших городах. Не служить людям русским немецкому псу! Жизнь не пощадим, а врага разгромим. Кровь за кровь, смерть за смерть!»

Борьба была долгая и трудная. Но немецкие рыцари были разбиты, а остатки их бежали с нашей земли.

Прошло немногим меньше полутора столетий. И над Русью снова нависла смертельная угроза. Мамай, ставший правителем Золотой Орды, решил повторить батыevo нашествие на Россию. Летом 1380 года он с огромным войском, а двести тысяч человек, переправился через Волгу, заключил союз с татарами и враждебным России литовским князем Ягайло и двинулся на Москву.

Вскипела вековая ненависть русских к своим угнетателям — к татарским ханам и «мурзам», — и поднялась вся, от мала до велика, Русь. За родную землю, за хлебородные нивы, за пашни, политые кровью и потом, за дремучие леса и широкие зеленые луга, за свободу свою и честь шли в бой русские рати, возглавляемые московским князем Дмитрием Ивановичем.

Когда русское войско подошло к Дону, воеводы стали решать, переправляться ли на другой берег и нападать на татар, оставив позади себя Дон, который в случае неудачи мог стать мышеловкой, или же остаться на этой стороне реки, где и безопасно и путь к отступлению не отрезан.

Некоторые не советовали переходить Дон. «Если оставим за собой реку, трудно будет действовать, — говорили они, — мы же должны удержать себе путь назад...»

Другие резко выступали против тех, кто предлагал поступить так. Они убеждали Дмитрия: «Если хочешь крепкого боя, вели сегодня же перевозиться, чтобы ни у кого не было мысли назад воротиться; пусть всякий без хитрости бьется, пусть не думает о спасении, а с часу на час себе смерти ждет, а что, говорят, у них силы велики, то что на это смотреть...»

И тут выступил князь Дмитрий. Вот что он сказал:

«Любезные друзья и братья! Знайте, что не за тем я пришел сюда, чтобы охранять реку Дон, но чтобы Русскую землю от плена и разорения извратить или голову свою за Русь положить. Честная смерть лучше позорной жизни. Лучше было не выступать совсем против татар, чем, выступив и ничего не сделав, вернуться назад.

«Сегодня же пойдем за Дон и там или победим и весь русский народ от гибели сохраним, или сложим свои головы за нашу родину».

Больше шестидесяти тысяч русских воинов легло на Куликовом поле. Но великая битва была выиграна. Татары были разбиты и, так же как немецкие рыцари в 1242 году, позорно бежали с нашей земли.

В 1709 году тридцатитысячная армия шведского короля Карла XII осадила небольшой русский гарнизон в Полтаве. В бесполезной осаде шведы

истощали свои последние средства. А тем временем Петр I, подтянув к берегам Ворсклы, вблизи Полтавы, сильную армию, приготовился дать здесь шведам решительное сражение.

Когда все было готово, Петр обратился к своим войскам с приказом: «Воины!. Пришел час, который решит судьбу отечества.— Итак, не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за отечество...— Не должна вас также смущать слава неприятеля будто бы непобедимого, которой ложь вы сами своими победами над ними неоднократно доказали. Имейте в сражении пред очами вашими правду...— А о Петре ведайте, что ему жизнь его не дорога, только бы жила Россия в блаженстве и в славе, да благосостоянии вашего!»

Для великого русского полководца Александра Васильевича Суворова, как и для Александра Невского, Дмитрия Донского, Петра I, не было ничего дороже интересов своей родины. Суворов, так же как и они, не признавал никаких преград в достижении целей, которые перед собою ставил. «Победить или умереть!» — вот девиз, с которым он шел в бой. Удивительны ли после этого те успехи, которые одерживали суворовские армии?

Турецкая крепость Измаил считалась на Дунае твердыней, которую, казалось, невозможно взять. Дорогу осаждающим войскам преграждали мощные крепостные сооружения, воздвигнутые лучшими французскими и немецкими инженерами, глубокие рвы, высокие валы, сотни орудий и, наконец, тридцатипятитысячный гарнизон под командованием одного из самых лучших турецких военачальников.

Понятно поэтому, почему комендант крепости имел все основания гордо заявлять:

— Скорее Дунай остановится в своем течении, чем сдастся Измаил.

Измаил же надо было во что бы то ни стало взять. Но как?

Среди русских командиров немало было таких, которые считали, что только осада — длительная и упорная — решит судьбу крепости. А тратить драгоценное время на длительную осаду нельзя было, так как Измаил «вязал руки для дальнейших операций».

И вот назначенный сюда Суворов, тщательно изучив сложившуюся обстановку, решил брать крепость штурмом.

«Два раза русские подходили к Измаилу, — сказал он на военном совете, — и два раза отступали. Теперь, в третий раз, остается нам только взять город, либо умереть. Правда, что затруднения велики: крепость сильна, гарнизон — целая армия, но ничто не устоит против русского оружия! Мы сильны и уверены в себе... Я решился овладеть этой крепостью, либо погибнуть под ее стенами».

Турки сражались храбро и отчаянно, но русская армия сломала их сопротивление — и судьба всей войны была решена.

И так бывало везде и всегда.

Великая битва с немецкими псами-рыцарями на Чудском озере, разгром мамаяевых полчищ на Куликовом поле, поражение молодого талантливого шведского полководца Карла XII под Полтавой, взятие Суворовым Измаила, разгром Кутузовым армии Наполеона, о чем рассказывалось в № 13—14 «Смены», — все это сегодня не только драгоценные страницы военной истории нашей родины далекого прошлого: это зовущий на новые слазные подвиги во имя родины голос наших великих предков.

Молодые воины Красной Армии! Повторите сегодня слова Александра Невского: «Не служите людям русским немецкому псу! Жизнь не пощадим, а врага разгромим. Кровь за кровь, смерть за смерть!» Повторите слова Суворова: «...затруднения велики... но ничто не устоит против русского оружия!»

Помните: история не знала еще такого случая, когда бы многогратный и героический наш народ-богатырь не нашел в себе сил, чтобы прогнать любые, даже самые могучие армии завоевателей, вторгшиеся на нашу землю для ее покорения. Русские войска переходили Альпы, они победителями входили в Берлин и Париж и свои знамена водружали на твердых Тавриса и Адрианополя.

Не посрамите же себя позором, который навсегда останется за вами, если вы отступите и отдадите свою родину на растерзание врагу!

Один из историков римских, Тацит, сказал, описывая жизнь своего великого соотечественника: «Удивляясь тебе, хваля тебя и, если есть у нас силы, подражая тебе, мы почтим память твою».

Молодые воины Красной Армии! У нас есть силы достойно почтить память наших великих предков; нужно только удвоить, утроить удар по немцам! И она победит, поганая немчуря. И мы достойно отпразднуем радость победы над самым злейшим, самым коварным, самым ненавистным врагом.

КНЯЗЬ НЕПОБЕДИМЫЙ

В. Сафонов

Город на Волхове

Вешнюю пору 30 мая 1220 года у князя Ярослава родился сын Александр. Прашуром его был Владимир Мономах, дедом — Всеволод Большое Гнездо, про которого сказано в «Слове о полку Игореве», что мог он «Волгу веслами раскропить и Дон шеломами вылить».

А мать Александра — Ростислава — была дочерью галицкого князя Мстислава, прозванного Удалым.

Александр родился в Переяславле Залесском, где княжил отец. Невелик сейчас этот лесной городок, стоящий в стороне от железной дороги Москва—Ярославль.

Мал был он и тогда, а на Руси его хорошо знали. По рекам мимо города проплывали караваны купеческих судов, на волоках с них выгружали тюки с заморскими товарами; вокруг озер выросло множество рыбацких деревень. И город богател, рос, обстраивался белокаменными домами.

Переяславль считался старшим и над Волоколамском, и над Дмитровом, и над волжским Угличем, и еще над другими городами. И даже древнюю Гверь он признавал своей меньшей сестрой.

И все же был Переяславль со своими городами и селами только малой частью Ростово-Суздальской земли.

А земля эта составляла лишь малую часть Русской земли.

Страной-великаном была наша родина уже в те далекие времена.

«О светло-светлая и украсно украшенная земля русская! — пел народный поэт. — Многими красотою удивлена ты: озерами, реками и колодцами чтимыми, горами крутыми, холмами высокими, дубавами чистыми, полями дивными, зверьми различными, птицами бесчисленными, городами великими, селами и садами... Всего ты исполнена, земля русская!..»

«Отселе до угор (венгров), до ляхов, до

чехов, до болгар, до Корель, до Дышущего моря»¹ раскинулась русская земля.

Гордые византийские императоры десять веков назад боялись наших ратей и слали на Русь великие дары. Хорошо знали силу и отвагу русских в Крыму, в Болгарии. У берегов Каспия, в нынешнем Азербайджане, одерживали победы наши предки. Ровно тысячу лет назад северокавказские племена признали себя данниками киевских князей; и на Кубани, в шедрых зеленых просторах, издавна появились русские поселения.

Но страна не была единой. На многие «земли» — княжества — распадалась она. И

¹ Живым, чудесным этим словом поэт называет Ледовитый океан.

Новгород. Внутренний вид Грановитой палаты.

в междоусобных расприх подрывалась ее сила.

«В княжьих крамолах век человечий скоротался... Ибо сказал брат брату: «Вот — мое, а вот — мое же». И начали князи про малое: «вот великое» молвить и сами на себя крамолу ковать; а поганые со всех сторон приходили с победами на землю Русскую...»

Конечно, княжества не были отдельными государствами. Князья часто принимали княжение не только в своем уделе, но и в иных русских землях: пересаживались со «стола» на «стол».

Так и Александру пришлось скоро протиснуться в Переяславле: отца — Ярослава — позвали князем в Новгород.

Удивительный то был город! Его называли не просто Новгородом, а Новгородом Великим, Господином Великим Новгородом. И не зря: широко раскинулись владения города-Господина. «Волость-Три» за Полярным кругом — на Колском полуострове — была новгородской. На Северной Двине и у Баренцова моря владел он Заволочьем. По рекам, по звериным тропам пробирались новгородские промышленники в Перскую землю на Каме. Из далекой Югры, что за Уральским хребтом, в Новгород везли пуштых соборей и куниц, белоснежные шкурки горностаяв.

В Переяславле была тышина: там не любила шумно жить. А тут шум, гомон. Нагде не было таких мастеров поблагузить, потешить себя и других, как в Новгороде. Гуляли «гости», с барышом вернувшиеся из чужих стран. Гуляли и промышленники, приехавшие с добычей из отдаленных, глухих краев. Богатели купцы. Еще больше богатели бояре. На площадях новгородских народ складывал буйные песни про гульбу Васкы Буслаева, сплетал затейливые сказки о Садко — богатом госте и великом искуснике игры на гуслях, который самого морского царя обвел вокруг пальца.

Не так, как в иных русских городах, —

устанавливалась тут буйная, своевольная боярская республика. На площадь скикали вече. Всякий свободный новгородец мог править туда. Но, конечно, не «черный люд» управлял на вече: верховодили бояре. Набегут толпу «добрых молодцев», те и кричат на вече громче всех, а понадобятся — пуస్తят в ход и здоровенные кулаки! Но случалось: боярские роды вздорили между собой. Тогда «звонили» сразу два веча: одно у Торговой, другое на Софийской стороне. Потом оба сходились на мосту через Волхов и в рукопашную решали, за кем последнее слово остается.

Но, бывало, «черные вечевые мужики» не сносили боярского своеволия и подымались бунты. Красный петух начал гулять по боярским хорам. Плохо тогда приходилось Садко-богатому гостю от Васкы Буслаева.

И князю в этом буйном городе не было простора. «Нынче люб — князь, а нелюб — другого достанем», — говорили новгородцы. И доставали другого. Рядились с ним, как на торгу. Чтобы помнил про новгородские вольности. Чтобы знал, что полновластный господин он только на поле брани: как военачальника его и звали. Чтобы землей не вздумал обзавестись — ве пустыль бы корня в Великом Новгороде.

Кроме ратных и бранных дел князь тут мало во что мог вмешиваться. Всюду, куда ави ступя, с ним рядом, как тень, посолник, а за посадником совет «лучших людей».

Так жил Господин Великий Новгород своей особой жазнью — не так, как другие русские города.

О т р о к

Отца Александр мало видел. Ярослав часто отлучался. В доспехах, озобоченный, торопливо выходил он на крыльцо в скаквивал на коня, отстраняя стремянного, который хотел помочь ему.

Проходили недели, а то и месяцы — и Ярослав возвращался. Он подымался на крыльцо — грузный, с липом, словно вычерненным от солнца и пыли; и когда он шел, по терему распространялся запах лошадиного пота — запах брани и походов.

Александр любил смотреть, как князь дружина въезжала на двор. К хвостам коней были привязаны пленные — вьюе босы, в длинных рубахах, другие с головами до пят в броне. Железные люди! Но шли они смирно, еле волоча свою страшную броню, вагнув головы, обросшие, зверообразные.

етство Александра было похожим на детство других княжеских сыновей того времени. Поначалу был он на руках у мамушек, а когда исполнилось ему три или четыре года, мамки со слезами обрядили его для «первого пострига». Александру состригли кудри, забрали от мамок и отдала дядьке: приспела ему пора мужать.

Со своими сверстниками любил Александр устранивать бранные потехи, играть в звериный гов. На просторном княжеском дворе мальчишки прятались в высокие, буйно растущих лопухах, а потом с криком, с хохотом внезапно выскакивали и из самодельных луков стреляли по воронам и голубям.

— Это кто?

— Ритары, — отвечал дружинник.

Жизнь Ярослава проходила в походах. Он воевал с исконными злыми врагами славян — тевтонскими и ливонскими рыцарями, — собирал полки и на своего же, русского князя Михаила Черниговского. И с Господином Великим Новгородом вел он войны: крутой и своенравный Ярослав плохо уживался с новгородскими властями.

Однажды Александр услышал яростный голос отца и другой голос, тихо и вкрадчиво говоривший: «Ты себе, а мы себе».

Мальчик запомнил красное лицо отца, когда он вошел в горницу, и торопливую, желвакую ласку его грубой, большой руки.

— Чада, оставляю вас. Тебя, Федор, и тебя, Александра. Княжить оставляю. Не робейте. Бояр слушайтесь...

Федору, старшему, было девять лет, Александру — восемь. Теперь они были два князя новгородских. Отец отъехал. Два суздальских боярина должны были оберегать отроков-князей.

Человек, учивший князей книжной науке, носил меч, как дружинник. Но непохож он был на воина. Точно монах жил он среди старых пергаментов, среди расписанных, разрисованных ярью, киноварью и золотом, осыпанных самоцветами книг. Был он молод, тоже переставец, звался Даниилом.

— «Земля наша велика и обильна», — вычитывал Данила Александру. И пояснял: — То летопись земли русской. Голос делов твоих и праведов говорит в сей летописи. Учись слушать его!

Светлые глаза его пылали, когда он читал о походах, о славных делах предков. Казалось, что сам он бьется в тех великих битвах; и, слушая его, Александр уже не удивлялся, что у пояса этого тухлого человека висит меч дружинника.

Потом Данила открывал другую книгу, с чистыми, нетронутыми страницами, и скорбно говорил:

— Лютые враги сторожат Русь на стороне полонной и полуленной — на востоке и закате солнца. Вся меж вражеских кострищ она. Ждут и ликуют: исходит в злых усобицах великая сила Руси. Потому и пускают ныне летописи: что напишу в ней?

И вдруг добавлял:

— Кораблю глава — кормчий, а народу — князь. Да укрепится сила нашего князя! Да войдет ярость в сердца боязливых!

Александр слушал. Данила был велеречив. Может, Ярослава разумел он, говоря про князя? Доходили слухи, что отец с ратью собирается на Новгород. Стража охраняла терем. Но рев голосов проникал сквозь плотно закрытые окошечки.

Говорили, что толпа вломилась в Софийский собор, и сам владыка Арсений, подобрав полды своей расы, подгоняемый лянками, едва спасся от своих земляков.

Арсений был сторонником князя Ярослава.

Однажды ночью подняли обоих князей. В темноте, в сутлолке, боясь засветить огонь, наспех собрали, чуть не на руках сволокли по скрипучим лесенкам к заднему крыльцу — там ждал крытый возок.

Ночное бегство из Новгорода крепко запомнилось Александру.

Потом Ярослав помирился с новгородцами. Снова Александр вернулся в терем на Волхове.

К тому времени вырос он, возмужал. И сверстники его сделали «юноками». Вместе начинали они с ребячьих потех, вместе им и через всю жизнь идти: он — князь, они — его дружина.

Так же как в детстве, любил Александр и теперь охотничьи потехи. Только теперь не среди лопухов, а по лесам, по глухим лесным тропам скакал он со своей дружиной.

На ветру пели ветви высоких сосен. Бороды мхов свисали с широко раскинувшихся ветвей древних великанов-деревьев. В неподвижном сумраке леса не слышно было даже птичьих голосов.

И вдруг гряда валунов раздвинула чашу. Сокольный снимал клубочок с кречета, и он, сорвавшись с руки, взмывал в высь.

Дубравы, синевощные на дальних холмах, отзывались на звук охотничьего рожка.

Здесь, в этих глухих местах, охотников встречали лесные люди.

— Здрав будь, Филипп! — говорил Александр худощавому человеку со скудной бородой.

То был Пелгусий — вождь людей племени воль. Он был крещен, и русские звали его Филиппом.

Филипп снимал шапку из бересты.

— Добро, добро! — говорил он и вел гостей к своему шаламу.

Люди подымались от костров, когда Филипп Пелгусий проходил мимо них.

Рыбья чешуя точно ковром покрывала землю перед хижинами этих людей. Над котлами восходил жирный пар рыбы.

Медленная река многими потоками катилась между плоских пустынных островов.

А вдали, над морской гладью, дремал голубой туман.

Когда Александру Ярославичу было шестнадцать лет, его отец стал князем киевским, а сам он — новгородским князем.

Не в легкую пору начал княжить Александр.

В те годы грозная беда грянула над всей Русью.

Из азиатских степей явились кочевые орды монголов, татар. В 1223 году на реке Калке они разбили разрозненные отряды русских князей и половцев, губительным смерчем пронесли до Днепра в слово исчезли в восточных степях. «И не сведаем, откуда пришли и куда делись опять», — пишет летописец.

Долго не появлялись они, а через четырнадцать лет, с самого начала княжения юности Александра в Новгороде, черные вести одна за другой снова полетели к волховским берегам.

В 1237 году батыевы полчища подступили к Рязани и потребовали покорности и десятины (то есть десятой части) во всем: «и в князьях, и в людях, и в конях, десятое в белых, десятое в вороних, десятое в бурых, десятое в рыжых, десятое в пегих».

— Когда нас не останется в живых, все будет ваше, — отвечали рязанцы.

И татары стерли с лица земли рязанские города — Белгород, Изяславль, Борисов-Глебов; только обугленные развалины с тех пор чернели по Дону, Прони и Оке.

Орда ворвалась в Рязань — часть жителей перебила, часть сожгла заживо.

За Рязанью настал черед Коломны, потом Москвы. И вот страшная резня уже во Владимире.

В марте 1238 года татары взяли Торжок. Они быстро шли на Новгород.

Всего сто верст оставалось до новгородских стен, когда, дойдя до урочища Игнач-Креста, татары неожиданно повернули назад. Был самый конец марта или начало апреля. Батый предпочитал воевать зимой. Весенняя распутица вдали от своей страны испугала его.

Но передышки больше не было.

Три года зарева полыхали над Русью. И даже в наши дни, через много столетий, где-нибудь посреди чистого поля во время раскопок находят в земле черный слой и в нем кости, рыхлые от времени и от древнего огня: то след страшного пожара.

В 1240 году пал Киев.

Начиналось — больше чем на два столетия — татарское иго, то иго, которое, по выражению Маркса, не только подавляет, но и иссушает самую душу народа, который ему поддал.

Но еще новые предстояли испытания Русской земле.

Хищники, гнездившиеся у западных ее границ, сочли, что теперь настал их час. Страна истощена, обессилена — они отпразднуют над ней свой вороний пир. Смертельный удар направляли они на русский северозапад, который не затронуло монгольское нашествие.

Вот почему все надежды Руси были сейчас там. Там оставался оплот русской свободы.

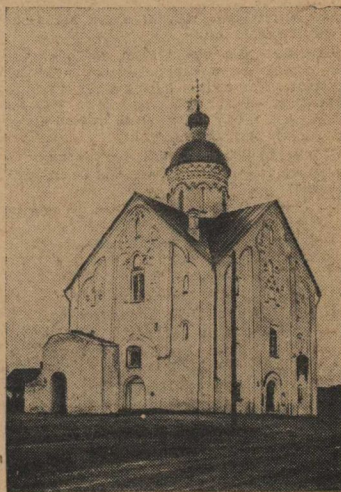
В Новгороде билось сейчас сердце России. От судьбы Новгорода зависело, быть ли русскому народу или погибнуть, навсегда уйти из мировой истории.

Что же за новые враги угрожали Руси?

Историк Н. Костомаров пишет, что «вражда немецкого племени со славянским принадлежит к таким всемирным историческим явлениям, которых начало... скрывается во мраке доисторических времен... Уже с IX века в истории открывается непрерывное преследование славянских племен».

Drang nach Osten — стремление на восток — уже издавна засело в мозгах немецких баронов, епископов, рыцарей.

Но, с огорчением отмечает немецкий историк Дельбрюк, «могущественной германской империи» понадобилось триста лет, чтобы справиться только с разрознен-

Новгород. Замечательный памятник русского зодчества — церковь Спаса на Ильине.

ными славянскими племенами между Эльбой и Одером¹.

Неслыханными жестокостями с самого начала ознаменовали немцы свои «победы» над слабыми племенами.

В IX веке король Генрих Птицелов, взяв славянский город Гану, велел перебить всех взрослых мужчин и женщин, а детей обратить в рабство. Преемник Генриха — Оттон — приказал вырывать у всех пленных славян языки (чтобы не слышно было славянской речи) и глаза (чтобы не глядели на землю, которая принадлежала теперь немцам).

Целями племенами истребляли немцы славян. И не только славян: от литовского племени пруссов сохранилась только память в названии немецкой Пруссии — страшная память о геронической, неравной борьбе пруссов с поработителями, о восстаниях, потопленных в кровавых потоках, о цветущих некогда областях, опустошенных огнем и мечом...

Во второй половине XII века в устье Западной Двины высадился монах воинствующего ордена проповедников-августинцев Мейнард. Он говорил, что несет свет истинной веры бедным язычникам, населявшим Прибалтику, — литовцам, ливам, эстам, эстам. Нельзя сказать, чтобы эти народы испытывали какие-нибудь неудобства от того, что не знали веры августинца Мейнарда. Они сеяли хлеб, разводили скот, ловили рыбу, охотились и собирали дикий мед в лесах. На их земле стояли города, построенные их предками и русскими, — многие кровные связи соединяли прибалтийцев с Русью. Но Мейнард твердо решил обратить их в свою веру. Для этого он привел с собой войско, которое силой мечей и копий должно было подкрепить его красноречие. Затем он выстроил замок Икский и принял собор десятины. Преемник его, Бартольд, так ревностно закрепощал местное население, что, не вынеся гнета, оно восстало. Бартольд был убит, а новообращенные в волнах Двины старались смыть с себя новую веру.

— В воде нас крестили! — вот мы водой и смываем крещение! — говорили они.

Но Альберт, новый епископ, безжалостной резней укрепил в стране немецкое владычество. Для покорения Прибалтики он организовал рыцарский орден — меченосцев. Они носили на плечах белый плащ с изображением красного меча и назывались братьями. К войне они готовились с малых лет: она была их единственным занятием, если не считать разбоя и грабежа, которыми они разнообразили свою военную профессию.

Крепости-замки (бург) покрыли теперь страну.

За ливами настала очередь эстов. Пал под немецким нажимом сосед русского Избор-

ска — город Оденпе, который наши летописцы называли Медвежьей Головой. Пал Юрьев, построенный Ярославом Мудрым, — немцы переименовали его в Дерпт². Расправившись с ливами и эстами, немцы начали войну против жителей Курляндии и литовцев. Но тут в Шавлях в 1236 году русские и литовцы нанесли такое поражение меченосцам, что, казалось, пришел конец этим рыцарям разбоя.

Но вожди победителей не воспользовались как следует своей победой. А меченосцы объединились с другим могущественным рыцарским орденом — Тевтонским — и снова принялись за свое дело поработителей.

— Когда мы умрем, — говорили жители Прибалтики, — мы пойдем на небо и будем там мучить немцев так, как они мучили нас здесь, на земле.

И вот покорена Прибалтика. Рыцари рещили кинуться на Русь. Ослабленная междоусобицами, опустошенная монголами, она казалась им легкой добычей. Меч тевтонов должен был нанести ей последний удар. Но даже с поверженной, даже с униженной Русью меченосцы все еще не рещались схватиться один на один.

Они объявили крестовый поход. Наемные проповедники, закатывая глаза к небу, зывали в городах: «Русские соединились с татарами. Убивайте русских! Это все равно что истреблять неверных язычников». Так глгали они в церквях и на площадях. Римский папа обещал прощение грехов тем, кто пойдет в поход. Капелланы святых двуручные мечи и железные наколенники. Немецкие купцы снаряжали суда и подсчитывали будущие барыши. Владетельные князья обещали сильные военные подкрепления. Датский король послал войско. И уже сядились в шнеки — ладьи — шведские рыцари с норвежцами и финнами.

Наперед поделены были между всеми русские земли.

Под звуки органов в церквях, под лицемерные молитвы, под завывание труб во дворах крепостей стая бешеных псов готовилась ринуться на Русь.

Как отразить беду ей, истекающей кровью?

² Нынешний эстонский Тарту.

¹ Вся равнина, в центре которой находится нынешняя немецкая столица, была некогда тоже славянской землей. На реке Шпрее, где стоит Берлин, жила шпреевцы.

Только отпраздновал Александр женитьбу свою на Александре — дочери полоцкого князя Брячислава, — только отпотчевал гостей на двух «кашах» (пирях): в Новгороде и в Торжке, — и вот сразу же оставил он молодую жену и сел на коня.

Презренные предатели уже указали врагам дорогу в русские пределы. Новгородский богат боярин Борис, не добившись своего на вече, бежал во вражеский стан и торопил теперь немцев на Волхов. И другой еще нашелся — некий Ярослав, княжеский сын, которого прогнали псковичи за то, что посмеялся он над народной кровью, пролитую меченосцами епископа Альберта, и выдал свою сестру за его брата.

Псы! Нет, хуже псов были они! Мерзей и гаже тевтонов и монгольских ханов!

Александр поспежал на реку Шелонь. Там он строил укрепления.

Это был год, когда Батый шел на Новгород. И не потому ли он поворотил у Игнач-Креста, что узнал, — не так легко будет раскусить новгородский орешек?

Покончив с укреплением на Шелони, помчался Александр к людям племени воль.

Снова услышал он посвист ветра в сопках на песчаных горах и увидел голубой туман на сером полукруге моря.

— Не забыл к вам дороги — то добро, — сказал Филипп Пелгусий.

— Я не забыл, и ты не забывай: на одной земле живем, — коротко и твердо Александр указал на широкий рукав Невы между плоских островов: — Смотри: то серебристые врата Новгорода Вельжого. Тебе поручаю ключ от них. Сторожи море!

Пелгусий посмотрел на князя, подумал и ответил почтительно и гордо:

— Море и мы — одно. Нас море не обманет, князь!

Вторжение началось внезапно. Объявлять войну было не в рыцарских обычаях. Тевтоны ворвались в Изборск, подступили к Пскову... Младший брат Новгорода оборонялся крепко. Но предатель Твердило Иванкович изменой отворил его ворота.

А тут и с другой стороны грянула беда. Загоняя коней, примчался в Новгород человек от Пелгусия.

Увидели стоявшие на страже люди племени воль, как из туманной дали Балтики появилось множество огромных, многовельсельных ладей — шнеков — с прямыми парусами, с изогнутыми носами, вырезанными наподобие лебединых шей и драконьих голов. Сотни воинов в блестящих шлемах, со щитами, копьями и мечами переполняли ладей. Уже в Неву стали заходить ладей. И было их столько, что много часов в воздухе стоял скрип уключин.

Так узнал Александр, что надменный Биргер, правитель Швеции, — непобедимый

Биргер — со своим «священным войском» уже плывет по Неве к Ладозе, чтобы затем подняться по Волхову прямо к Новгороду.

С двух сторон готовили враги нападение: немцы — с запада, шведы — с севера. Даже малой надежды на спасение не оставалось Новгороду. А вместе с Новгородом под ударами двух кинжалов должна пасть Русь.

Отправляясь в поход, Биргер сказал шведскому королю:

— Я уничтожу новгородского мальчишку.

И вот он плыл по Неве. Александру он послал надменный вызов:

«Я здесь и пленю твою землю. Если можешь, сопротивляйся!»

Шумело новгородское вече. «Совет лучших» был в смятении. Как быть? Сражаться? Что князь говорит?

— Ополчения требуют!

— Не надо ополчения! — кричали бояре. — Поздно!

— Мощно потряси! — кричали другие. — Откупимся!

— С повинной головой надо, — перебивали третьи. — Мы не черный люд — бояре, нас свеи¹ не сгонят с дворишки!..

А четвертые успокаивали:

— Батый повернулся, и свеи поверяют.

Александр знал: своей властью князь в Новгороде не мог созвать ополчения.

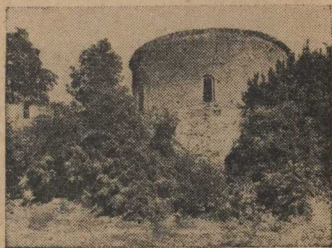
Народ встал бы на врага как один человек. Да не народ, не князь решает, а «случише» — и не могут решить ничего.

А терять нельзя ни минуты — это Александр тоже знал твердо.

И вот на глазах у всего народа он прошел в Софийский собор. А потом, спокойный, властный, вышел на площадь и голосом, «тремещим, как труба», позвал в поход «черных мужиков».

Он не стал судить и рядить с советом.

¹ Свеи — шведы.

Новгород. Федоровская башня в Кремле.

можно так делать или нельзя, не стал пре-
рещаться с посадником.

Кто успел, пристал к княжеской дружи-
не. И в тот же день с горсточкой людей
двадцатилетний князь кинулся наперерез
Биргеру. Эта стремительность, эти часы,
выдаваемые Александром, и спасли Новго-
род.

Гонец Пелгусия поехал вместе с вой-
ском. Сам Пелгусий встретил войско и ко-
роткой тропкой проводил к месту, где бы-
ли шведы.

Русские застали Биргера на Неве, воз-
ле устья Ижоры. Было 15 июля 1240 го-
да, воскресенье. Шведы отдыхали после
долгого плавания.

Пестрый, золотерхлый шатер Биргера вы-
сился посреди лагеря. Дымили костры.
Всю реку, казалось, заполняли шнеки, а
всю излучину берега — рыцари и солда-
ты. Шведы, норвежцы, финны...

Как одолеть их с крошечной ратью?

Александр позвал по именам своих вой-
нов: ведь с ними вел он когда-то ребячьи
воровня охоты в лопухах широкого двора.
И многих мужиков-новгородцев знал он по
имени: ведь это были те чумазы мальчиш-
ки, которые в детстве приносили ему голу-
бы... А теперь был их первый бой...

— Ратмир! — окликнул князь одного из
них.

Слуга и товарищ Александра с детских
лет был рядом. Александр обнял и поцело-
вал его.

Был день, одиннадцать часов. Русские
ударил в середку вражеского лагеря. Вой-
ны Биргера не успели даже опоясать мечи.

С небывалой смелостью бились храбре-
цы-дружинники и новгородцы.

Сквозь семь столетий дошли до нас име-
на героев Невской битвы.

Дружинник Гаврило Олексич на коне по
сходне-доске кинулся на корабль. Шведы
успели оттолкнуться от берега, и конь
вместе с всадником упал в воду. Но Гав-
рило вплавь догнал корабль, перемахнул
через борт и на глазах у шведов зарубил
всводу и епископа.

У новгородца Сбыслава Якуновича не бы-
ло другого оружия, кроме топора. Но широ-
кие просеки прорубал этот топор во вра-
жеских рядах.

Вот уж заслонили Сбыслава враги, не
видно широкой спины новгородца.

Отряя кровь и пот, видел Александр,
как Миша-новгородец с пешими людьми
своими потопил один за другим три
шнека.

— Так, Миша, так!

А где был Ратмир? В битве он отда-
лился от князя. Потом увидел его Алек-
сандр: посреди вражеского стана бился он
без пшняка, простолодый, и вдруг скры-
ла его с ревом толпа рыцарей.

Но уже Савза — новгородский парень —
рубанул столб огромного, пышного шатра
Биргера. И осел шатер. Громко и радост-
но закричали русские.

Уцелевшие шведские шнеки торопливо
отчаливали, бросая мертвых и раненых.
Только трупы воевод успели накидать в
три корабля, но домой не доездили: спешно
выбравшись из Невы, потопили их в море...

Весть о победе опередила в Новгороде
Александра, облетела русский север, по-
неслась по всем скорбным городам Руси.

Нет, живет, нет, не умерла отчизна! И
не умрет теперь! Живы храбрыцы на Руси.

И есть на ней богатырь. Кто-то первый
произнес слово «Невский князь». И по всей
Руси прокатилось: «Невский!»

Его выдали в Новгороде, в Переясла-
ве да, может быть, еще в двух-трех го-
родах. Но всюду знали твердо: он там, в
Новгороде, — Невский, защитник Руси.

Отныне он стал отличен от всех князей.
Ибо нежданной, неслыханной, чудесной
и для недругов и для русских людей ка-
залась его победа на Неве.

При колокольном звоне, с торжеством,
слыша вокруг себя радостные клики, лести-
вные речи, видя толпы народа без шапок,
въехал Александр в Новгород.

Человек с русской бородой и мечом, как
у дружинника, сидел среди пергаментов.
Глаза его сияли. Перед ним лежала книга
с чистыми, нетронутыми листами.

— Даниил, — сказал ему князь, — твоя
летопись не будет пуста!

И рассказал ему о Сбыславе, о Мише,
о Гавриле и Савзе.

— И о Ратмире, слуге моем, вспомяни.
Пусть станет его имя наравне с самыми
славными!

— А сам ты, князь?

— Руси служу. О ней пиши.

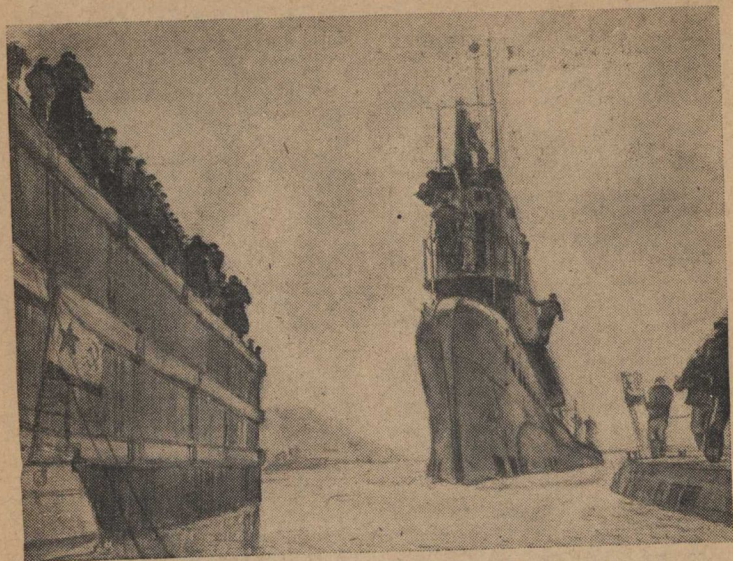
Но летописец узнал от других, от тех,
кто был на Неве, о князе. И прямыми,
ровными буквами уставного письма он на-
писал о самом князе:

«И избя множество бесчисленное от рим-
лян, и самому королеви возложи печать на
лицы острым своим копьем».

Римлянами он называл врагов, а коро-
лем — Биргера.

(Продолжение в следующем номере.)

Возвращение подводной лодки

Рис. Г. Нисского

ВОЗВРАЩЕНИЕ В БАЗУ

Краснофлотец Дмитрий Ковалев

Подводнику Гаджиеву

Летит туман, редяя на рассвете.
 Висит гранит над черной глубиной.
 С упругих волн сдувает гребни ветер
 И мне в лицо бьет дробью ледяной.
 Меж белых сопок, над пучиной пенной,
 Дымится город, облака бегут;
 Мелькают корабли во мгле, как теши;
 И маяки сигнальные ревут.
 На лодке — толстый лед.
 Расправив плечи,
 Усталый штурман песенку басит.
 Мы в базу входим —
 Нефть плывет навстречу.
 Пыхтят моторы,
 Грузится буксир,
 Скрипит причал, весь инеем одетый.
 Бойцы таскают ящики, тюки...
 Недаром ждут посылки и привета

Товарищи мои — фронтовики.
 Орудие, намерзшее в дороге,
 Сейчас я разверну — и прогремит,
 В тумане вспыхнув, залп,
 И берег вздрогнет,
 А кто спешил, задержится на миг.
 — С победой! — скажет он...
 А враг, тоскуя,
 Голодный,
 Коченеющий в горах,
 Еще с надеждой смотрит в даль морскую,
 Где появиться кораблю пора.
 Но море к ночи,
 Налетевшим валом
 Обкатанные глыбы шеvelя,
 В шипящей пене выбросит на скалы
 Обломки взорванного корабля.

Человеческий поток и плотина

Л. Успенский

По скату нагорья несется вниз бурный поток. Ничто, кажется, не может остановить его движения. Огромные бревна, глыбы камня увлекаются стремниной.

Но вот где-то в русле потока ничтожный обломок, кремешок, порою даже ветка случайно застревает в незначительном углублении дна. В первый миг кажется нелепым обращать внимание на этот пустяк: кремешок дрожит под чудовищным напором, струи гнут и терзают гибкую веточку...

Однако в следующие мгновения к этому крошечному кусочку прильнет второй, третий... За ним образуется еще заметное завихрение, отложится несколько песчинок.

Пройдет время, и в том месте, где некогда над слабенкой веточкой клокотали неистовые струи, возвы-

сится недвижимой громадой остров. Стремнина изменила направление. Река превратилась в стоячее озеро. И первопричиной этого перелома явилась стойкость единственной ветки, щепки, камешка.

Великое складывается из бесчисленного множества причин. Ничтожная сила, действующая упорно и непрерывно, способна побороть самый яростный напор.

Полотняный пластырь, наложенный на пробойну в бронированном борту морского корабля, легко проткнуть перочинным ножом, а он выдерживает на себе весь океан! Вспомним некоторые исторические примеры, когда стойкость — иногда личная, иногда коллективная — делала чудеса, когда слабая, казалось бы, рука одного человека как бы превращалась в руку гиганта...

Стойкость единиц и стойкость тысяч

Двадцать восемь лет назад, в 1914 году, немецкие полчища затопили север Франции. Армии генерала фон Клука и других стремились к Парижу. Сверхчеловеческим напряжением их удалось отбросить на первый раз, но было совершенно ясно, что смертельная угроза не миновала, что за первым напором последует (он уже следовал) второй, может быть десятикратно сильный. Немцы ввели тогда в бой огромные, численно подавляющие массы войск. Их вооружение, особенно тяжелая артиллерия, было несравненно лучше французского. Давление, производимое их армиями на еще тонкую пачечку защитников Франции, представлялось чудовищным.

Перед французскими солдатами встала дилемма: либо отступить и пропустить безжалостного врага в сердце страны, либо же любой це-

ной, любым способом остановить его на полях севера. Французский солдат, «пуамо» («мохнатик» — так ласково прозвала его Франция), выбрал второе. Он зарылся в землю. Он решил выстоять — и выстоял.

Пересмотрите все архивы той войны — вы не найдете приказа о начале позиционного сидения. Оно пришло само собой. Какой-то, самый упорный, самый стойкий, самый решительный человек осенним днем, под струями пулеметного огня вырыл для себя первый индивидуальный окоп и залег в нем. И вырощенная им гряда земли через четыре года выросла в могильный холм, похоронивший под собою чванливые грезы Вильгельма о «Германии, стоящей превыше всего».

Все это сделала стойкость тысяч. Но начало этому положила стойкость единиц.

Славная речка Воронка

Если бы год назад, в сентябре 1941 года, меня спросили, какую речку я считаю самой замечательной рекой земного шара, я ответил бы, не задумываясь: «Речку Воронку». Не сомневаюсь, что по окончании войны этой речке и делам, связанным с нею, будут посвящены строки многих поэм, томы многих исследований. В то же время на редких картах вы найдете этот болотный ручеек длиной в десяток километров, шириной в десяток метров. Что же произошло на реке Воронке?

Семьсот дней немецкие армии вели во всей Европе только наступательную войну. Двадцать четыре месяца они двигались вперед, и никто не мог остановить этого движения. Около десятка стран, три четверти Европы залил коричневый поток, точно в центре ее пришел в действие чудовищный вулкан. И вот немцы вторглись на нашу землю. Терпя временные неудачи, наша армия отступала. Немцы рвались к Ленинграду. На этом пути они форсировали мощные водные рубежи — Западную Двину, Лугу, Нарову. Казалось, на подступах к Ленинграду не осталось ни одной значительной реки. Малодушные люди впали в отчаяние.

«Спротивление уже невозможно», нашим войскам «не за что зацепиться» — говорили они. Они не знали, что на пути немцев есть еще

болотная речка Воронка, а за ней стоят балтийские моряки.

В первых числах сентября крупные немецкие части сразгону подошли к речке Воронке. В первых числах сентября командующий этим участком фронта генерал-майор Григорьев призвал своих моряков не отступать ни шагу дальше, и моряки ответили: «Есть ни шагу назад!»

В восемнадцать часов вечера 6 сентября батарея старшего лейтенанта Лыгина открыла огонь предельной скорострельности по берегам Воронки: за двадцать минут было выпущено долторы сотни снарядов.

В то же время бронепоезда капитанов Кропачева и Ступачова полным ходом пришли на позиции у речки.

Орудия кронштадтских фортов также повернулись в сторону Воронки.

Батальоны морской пехоты бросились в контратаку...

Это было 6 сентября 1941 года. А 10 июня 1942 года я бродил в болотистом лесу по нашему берегу этой речки. Немецкие полчища так и не преодолели ее. На берегу Воронки они были остановлены и принуждены перейти к позиционному сидению. Кто остановил их бешеный напор? Балтийские моряки — люди большого упорства и богатырской стойкости.

История одной потертости

До сих пор мы говорили о стойкости целых подразделений и частей.

Но каждая часть состоит из людей. Стойкость части зависит от стойкости людей, от стойкости одиночек. Есть ли пределы такой стойкости? Можно смело сказать: пределов ей нет.

В августе 1941 года в жестоких боях у местечка К. одна небольшая морская часть долгое время выдерживала напор нескольких вражеских дивизий, свою кровь поливая дорогу, по которой другие наши ча-

сти выходили из глубокого тыла противника. Без смены и отдыха моряки дрались неделю за неделей.

В разгаре боев обнаружилось неприятное обстоятельство: военком части, любимец краснофлотцев, друг и лучший советчик командира, начал прихрамывать, затем и совсем охромел.

Встревоженный командир решил узнать, что случилось с военкомом.

— Да вот нога... — неопределенно ответил военком. — Потертость, понимаешь...

Командир прочел целую нотацию своему другу:

— Мы бойцов греем за потерю, а тут ты сам... Тебе теперь и в бой ходить нельзя.

Но комиссар не согласился с этим. В тот же день он, хромя, повел небольшой отряд за десятки километров, в далекий тыл врага. А еще через сутки или двое военком со своими бойцами, еле преодолевая боль, совершил свою последнюю

вылазку в стан врага. Он не вернулся из нее, бойцы принесли лишь его тело. Они отбили тело своего комиссара у немцев. Немецкие мародеры успели уже снять с военкома его сапоги, размотать портянки. И командир части ахнул, взглянув на ногу убитого друга: в ноге комиссара сидели две немецкие пули. В тыл врага военком водел свой отряд, будучи раненым и скрыв это ранение от всех.

Памятники великой стойкости

Не существует единого образца для храбрости, мужества, отваги. Смелость каждого человека имеет свои отличительные черты. Героизм каждого народа обладает своими особенностями: у одних он как бы содержит в себе больше кипучей, яростной дерзости, у других — холодного и твердого самообладания. Но крепче всех тот героизм, который замешан на стойкости, и вряд ли какой другой народ дал больше образцов замечательной стойкости, нежели наш. На протяжении веков он обнаруживал эту стойкость, неслабавное упорство в бою, умение попирать смертью смерть, жертвовать жизнью во имя любви к жизни.

Наша страна усеяна памятниками такой стойкости.

В стенах псковских до сих пор виден «пролом Батария» — свидетель славной обороны, поразившей своей силой даже воинов противника. Дважды героический Севастополь на юге, далекий Порт-Артур у берега Желтого моря, крошечный Ко-

зельск в самом сердце страны, болотистый Осовец в топях Литвы — напоминали нам о чудесах стойкости.

Мужество славных имен выгравировано на стальных листах нашей летописи.

Не меньшее количество их — от двадцати восьми героев-панфиловцев, оборонявших Москву осенью прошлого года, до четырех гвардейцев, славных защитников задонских степей, сумевших уничтожить своей стойкостью пятнадцать немецких танков, — записывает свою жизнь сейчас на страницах истории наших дней.

Для достижения победы в войне, которую мы ведем против немцев, нужно напряжение всех сил народных, нужна стойкость, превосходящая все, что мир звал и видел доныне.

Она есть у нас, и она многократно вырастет в ближайшем будущем. Огонь величайшей из битв закалит ее. Так «тяжкий млат, дробя стекло, кует булат».

Командиры одной из частей МВО учатся мастерству рукопашного боя. Здесь показаны тренировочные занятия: идет групповой бой за овладение высотой.

УМЕЙ

зарываться в землю

Полковник И. Чабров

О лопате и мотыге

Вспомните, сколько радости доставляла вам в детстве простая деревянная лопатка, какие чудесные крепости из снега можно было соорудить при помощи этого нехитрого инструмента!

С лопатой человек не расстанется и в более поздние годы своей жизни. Но тогда лопата из игрушки превращается в орудие труда. И во время войны лопата боец самоокапывается и укрепляет местность. В тяжелую минуту рукопашного боя лопата в умелых руках красноармейца становится сильным оружием.

На поле сражения очень часто приходится самоокапываться под огнем противника. Но в боевой обстановке копать стоя нельзя,

иначе первая же шальная пуля угодит в бойца. Кроме того невыгодно, чтобы противник видел, что делают наши части. Как правило, боец копает окоп лежа, реже — сидя.

Нужна ли для такой работы лопата с длинной ручкой? Конечно, нет. Куда удобнее иметь лопату с коротким черенком. Такой лопатой и является малая лопата, которую обычно вы и видите у бойца.

Для больших земляных работ, особенно тогда, когда работать приходится стоя, имеется большая саперная лопата. А если приходится работать на каменистом или твердом грунте? Тогда на помощь лопате приходит кирка-мотыга.

Не меньшую роль, в военном деле, чем лопата, играет топор: он применяется при постройке окопов, блиндажей, ходов сообщений и т. д. Все это: и лопата, и кирка, и топор — есть тот самый «носимый шанцевый инструмент», который часто упоминается в разговоре военных людей.

Кроме него в каждой воинской части имеется еще так называемый возимый шанцевый инструмент: здесь саперные пилы, плотничьи топоры, кирки-мотыги, лопы, поперечные пилы и ножницы для резки проволоки.

Вооруженная всеми этими орудиями саперного дела, наша часть направляется на фронт...

Взлетели красные ракеты

Раннее летнее утро. Солнце едва поднялось из-за горизонта. Проснулось лес... Наступил для нас первый боевой день. Как бы в подтверждение, где-то совсем близко разорвались снаряды.

Враг недалеко. Даже без бинокля видны разрушенные строения деревни Н., на окраине которой засели фашисты.

Вскоре на правом фланге «заговорили» наши пулеметы, а потом и орудия. Шипя, полетели через наши головы снаряды...

Нам предстоял «бросок» по открытой, слабо пересеченной местности. Враг простреливал каждую лошадку, бугорок, канавку. Трудный путь! Но приказ командования предлагал взять высоту «161,5». И она будет взята. Она должна стать опорным пунктом нашей дивизии.

До выступления оставались считанные минуты. Умолкли орудия. Прекратилась стрельба.

Тишина перед грозой! Кто не был в бою, тому трудно понять всю торжественную благоговейность этих последних минут перед схваткой с врагом.

Каждый боец, каждый командир понимал тяжесть предстоящего боя. Стрелки часов показывали 4.30. На командном пункте взлетело несколько красных ракет — сигнал атаки.

По команде лейтенанта Сидорова первым начало перебежку третье отделение. Его движение прикрывали огнем первое и второе отделения.

Когда третье отделение заняло вперед нас несколько воронок, вырытых снарядами, начало перебеж-

ку первое отделение. Так, прикрывая огнем друг друга, приближались бойцы к намеченной цели.

Ловко и сноровисто изменялись красноармейцы к местности. Вот комсомолец Сарычев, пригнувшись к земле, быстро добежал до воронки, укрывшись в ней и сразу же открыл огонь по врагу. Боец Иванов сразебугу лег у небольшого бугорка. Но он почему-то медлил, не стрелял. В чем дело? Не мешает ли ему что-то наблюдать за противником? Ну, конечно, так. Иванов отполз всего на один — два метра вправо от бугорка и открыл огонь.

Так, используя каждую канавку, каждый бугорок, воронку разорвавшегося снаряда, укрываясь от огня противника, все ближе и ближе продвигались бойцы к расположению врага.

Удар повара Иванова

Несколько десятков метров осталось до высоты «161,5». Пулеметы и автоматы врага усилили огонь. Наше подразделение сосредоточилось в придорожной канаве.

Когда несколько стих пулеметный огонь, из укрытия выбежал политрук Смирянов: — Вперед! За родину! За Сталина!

Отвага политрука подня-

ла подразделение. С громким, раскатыстым «ура» бойцы ринулись к высоте.

С наблюдательного пункта было отчетливо видно, как с каждой секундой нарастал темп атаки. Вот уже некоторые подразделения ворвались во вражеские окопы. Немцы оказывали упорное сопротивление. Завязался штыковой бой. Трудностей при взятии высоты было много. Не моя

задача описывать их. Приведу один замечательный эпизод.

В разгар боя наш любимец повар Иванов сильным режущим ударом справа ударил лопатой немецкого солдата. Тот упал. Иванов быстро подскокил ко второму немцу. На этот раз режущим ударом слева он снова нанес смертельный удар и отправил к праотцам еще одного врага.

Урок в блиндаже

Ловкий удар бесстрашного повара стал темой долгих бесед и красноармейцев и младших командиров. Для многих впервые увещавших в бою такое применение лопаты было неожиданностью. А некоторые красноармейцы вовсе ничего не знали о боевых приемах использования лопаты.

Лейтенант вызвал к себе «новичков».

Это были вполне взрослые люди. Они недавно прибыли в часть.

— Что, удивлены подвигом Иванова? — спросил их

лейтенант. — Вот вам и лопата! В хороших руках она немца бьет и могилу ему роет! Так-то...

Усидев бойцов, лейтенант прочел им «лекцию» о том, как надо пользоваться лопатой в рукопашном бою.

Лейтенант начал с «азов».

Что должен сделать боец по команде «к бою»? Взяв малую лопату за конец черенка, он на полусогнутой правой руке выбрасывает ее от себя вперед, выпуклой стороной лотка вверх, с некоторым наклоном вправо, но так, чтобы лоток был на уровне головы бойца. Превая нога в это время выставляется на один шаг вперед. Обе ноги несколько сгибаются в коленях. Ту-

ловище немного наклоняется вперед. Левая дужка, готовая отнять у врага оружие, свободно опущена.

— Делается это так, — лейтенант дополнил рассказ показом. — Как только боец нанес удар, он сразу же подскакивает к противнику и левой рукой выхватывает у него оружие.

Большой лопатой на-

сятся удары точно так же, как и винтовкой с режущим штыком. Только вместо того, чтобы колоть врага, его ударяют в лицо снизу.

Лейтенант взял большую лопату и показал, как это следует делать.

Но недостаточно уметь хорошо ударить врага ло-

патой: важно еще суметь отбиваться от нападающего противника. Лучше всего это делать тыльной поверхностью лотка лопаты.

Внимательно слушали бойцы лейтенанта. Командир проверил, как бойцы усвоили первый урок. Он приказал каждому из них с лопатой в руках повторить все приемы.

За земляным бруствером

Затишье продолжалось недолго. Противник открыл минометный и пулеметный огонь.

Враг не успел укрепить высоту «161,5». На ней не было даже окопов для стрельбы с колена.

Когда мы наступали, отсутствие укреплений нам помогло. Но сейчас, под огнем врага, мы страдали от того, что не имели хороших укрытий.

На помощь бойцам пришла малая лопата. Они стали отрывать ячейки для стрельбы лежа.

Я наблюдал за работой бойцов под огнем противника и вспоминал слова моего учителя — командира:

— Уметь окапываться для бойцов всех родов войск так же обязательно, как и искусно владеть своим оружием! Особенно умело должны окапываться бойцы пехоты.

ла и стал срезать дерн. Дерн он не разбрасывал, а аккуратно складывал сбоку от себя, сберегая его для маскировки. Затем быстро стал отрывать переднюю часть ячейки — небольшую выемку глубиной в 20 см. Землю Писарев все время выбрасывал вперед, в сторону противника. Вскоре у него образовался земляной вал, так называемый бруствер. Он не только прикроев бойца от наблюдения и огня противника, но и послужит хорошим упором для винтовки.

Вскоре у всех бойцов были готовы ячейки для стрельбы лежа.

Наступал вечер. Солнце подходило к горизонту. Противник не прекращал ружейно-пулеметного огня. Но теперь он не причинял нам почти никаких потерь.

Повар Иванов — герой рукопашного боя — раздавал горячую пищу.

Ели бойцы, как и работали: поочередно, не прекращая ответного огня и наблюдения за действиями противника.

Быстро пообедали и снова принялись за земляные работы. Надо было довести ячейки до размеров окопа, годного для стрельбы с колена.

Землю теперь бойцы выбрасывали уже не только вперед, но и в стороны. Бруствер делали полукругом, чтобы он прикрывал не только от фронтального, но и от флангового огня противника.

Работы развернулись по всему участку.

Как и всегда, лучше всех работал младший сержант Писарев. Он не только первым закончил отрывку окопа для стрельбы с колена, но успел сделать у бруствера небольшую площадку — берму. Такая площадка предохраняет бруствер от обвала, особенно при сыпучем грунте. Это тут же подтвердилось. Красноармеец Орехов тоже закончил работу. Но он не сделал бермы. Стенки его окопа вскоре как бы ожили и поползли ко дну. Много лишнего труда пришлось израсходовать Орехову, чтобы поправить дело.

Одним из первых начал самоокапываться младший сержант Писарев. До призыва в Красную Армию он долгое время работал на строительстве канала Москва — Волга. Ему лопата была хорошо знакома. Вот он лежа принял наиболее удобное положение. Несколько пригнул голову к земле и, отложив винтовку вправо, штыком к противнику, быстро повернулся на левый бок. Вынул лопату из чех-

Хороший окоп — первое условие обороны

В землянке тускло горела свеча. Ко мне подошел молодой лейтенант.

— Вам пакет от командира соединения, — доложил он, вручая небольшой пакет с сургучной печатью.

«В исполнение приказа командующего группой, — прочел я, — приказываю продолжать работу по укреплению высоты «161,5»...»

Задача была ясна. Не ожидая прибытия инструкторов-саперов, надо было через час закончить отрывку ячеек для стрельбы стоя, расчистить обзоры и обстрелы и использовать все средства для маскировки отдельных ячеек. В этом духе я и отдал приказ командирам отделений.

Вскоре одиночные окопы были соединены между собой узкой щелью. Получились спаренные окопы, которые в свою очередь соединялись между собой. Об-

ления Сорокина были вырыты небрежно. Я проверил секторы обстрела. Да, из этого окопа нельзя было вести круговой обороны. Окоп был так вырыт, что вряд ли прикрывал бы бойцов от авиации и танков противника. Окоп не имел запасных ячеек.

Указав командиру взвода на недостатки, я приказал их немедленно устранить.

Снайперы сами изготовили для себя окопы. Я подошел к ячейке Яковлева и Сидорова. Ячейка была отрыта в той же последовательности, как и спаренная стрелковая ячейка. Но ее сразу вырыли для стрельбы сидя и особенно тщательно замаскировали. Закончив осмотр и проверку снайперских ячеек, я подошел к пулеметной ячейке командира отделения Бычкова.

Это был отличный пулеметчик.

Ячейки для стрельбы из пулемета мы проводили в той же последовательности, как и стрелковых ячеек. Место для пулеметной ячейки мы выбрали здесь потому, что отсюда хорош обзор и обстрел местности да замаскироваться можно. Бруствер немного отнесли вперед. Вместо бермы сделали площадку для установки пулемета. У нас раньше, чем у других, была готова пулеметная ячейка. Потом мы углубили ячейку и довели ее до размеров окопа. Для хранения боеприпасов, продовольствия и воды сделали в окопе ниши.

Закончив основные работы, бойцы начали «отделывать» окопы. Стенки и бруствер они укрепляли досками, хворостом, дерном, жердями. Почти во всех окопах сделали бойницы, навесы и ниши. Для выхода вырыли ступеньки. Для отвода воды на дне каждого окопа отрыли специальные водоотводные канавки.

Прошло восемь часов напряженного труда по укреплению высоты «161,5».

Наступила темная и тревожная ночь. Но я был спокоен. Все меры охранения были приняты. Бойцы находились в хороших окопах и были надежно укрыты от ружейно-пулеметного огня противника.

Теперь предстояла большая работа по дальнейшему инженерному укреплению занимаемого нами рубежа.

разошелся цельный окоп для отделения.

Когда окопы были готовы, я осмотрел их и убедился, что все сделано так, как я требовал. Правда, один окоп командира отде-

— Ну, Бычков, — обратился я к нему, — расскажи, как отделение рыло пулеметную ячейку.

Бычков уверенно рапортовал:

— Работу по отрывке

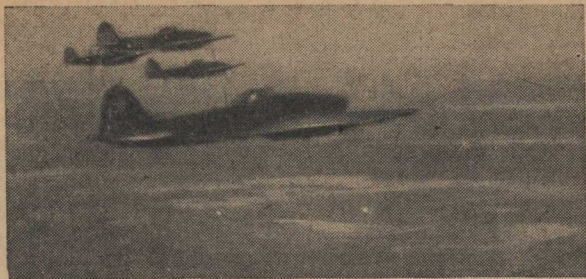
ПОСЛЕ ПОХОДА

Корабль вернулся из боевого похода. Теперь с утра до вечера в корабельной парикмахерской слышится веселый перестук ножниц.

Коротки часы досуга у подводников. Редкие они гости на суше. Но если выпала свободная минута,— почему бы не сыграть на бильярде?

Штурмовики в полете. Скоро линия фронта, а за ней вражеский объект, на который самолеты должны обрушить смертоносный металл.

Воинская страсть

С. Нагорный

1. Он не выйдет из боя

С истребителем Михаилом Барановым, о котором теперь знает не только каждый летчик Красной Армии, но и каждый школьник Советского Союза, я познакомился дня за три до того, когда он совершил полет, так широко его прославивший. Это было в степи, за Доном, на полевом аэродроме, в невыносимую полуденную жару, от которой земля потрескалась, как наши пересохшие губы.

Старший лейтенант Баранов, помощник командира эскадрильи, только что вернулся из боевого полета, в котором его группа, имевшая в своем составе несколько молодых пилотов, сопровождала штурмовиков, атаковавших немецкие танки.

Баранов, светловолосый парень среднего роста, широкий в плечах, говорит, расстирая в ладонях травинку:

— Если патроны кончились, ты из боя не выходи, понятно?.. Гоняй гансов так, без всего. Они-то ведь не знают, есть у тебя боеприпасы или нет их. Заходи немцу в хвост и гоняй его. Но из боя не выходи, понятно?

Молодые истребители смотрели на Баранова широко открытыми глазами, не слушали, а прямо вбирали в себя то, что говорил этот опытный воздушный воин, их сверстник, имеющий за плечами тринадцать месяцев боев, этот юноша 21 года, видевший смерть в глаза десятки раз и сам вот этой загорелой рукой севший смерть. До этого дня Баранов лично уничтожил 17 немецких самолетов.

Я послушал эти поучения бывалого истребителя молодым летчикам, а потом спросил Баранова о его жизни до войны и его семье. Он рассказывал неохотно. Родился в семье рабочего в деревне под Ленинградом. Потом учился в школе фабрично-заводского ученичества и работал на заводе в этом городе. Теперь, когда его родина, его семья переживала бедствия войны, к воспоминаниям детства и юности примешивалось чувство горечи и боли. В осажденном Ленинграде остались у него две сестры, и он понимал, что им нелегко. Его жена и восьмимесячная дочь Татьяна живут в глубоком тылу, в безопасности, но девочку он видел только один раз, когда ездил в отпуск.

Я простился с Барановым и уехал в другие авиационные части фронта. Время от времени в продолжение нескольких последующих дней, когда я был у бомбардировщиков, у штурмовиков, в штабе, приходили известия о Баранове. Он работал. Вот он сбил немецкого бомбардировщика. Вот сбил одного «мессершмитта» и срубил, как говорят летчики, «юнкерса». Наконец стало известно, что 6 августа в одном вылете Михаил Баранов уничтожил огнем своих пулеметов и пушки три вражеских самолета и четвертый таранил. Четыре машины, уничтоженных летчиком в одном бою, — это было нечто из ряда вон выходящее! Я срочно выехал к Баранову.

Он лежал под простыней и яростно отмахивался от мух. Оказывается, выпрыгивая

из падающего самолета, он растянул себе жилы на левой ноге и теперь вынужден везать только с мухами. Утешительно, что это только на два—три дня.

Следует сказать, что летчики обычно очень живописно рассказывают о своих приключениях в воздухе. К сожалению, по профессиональной привычке, они больше рассказывают руками, чем словами, причем одна рука представляет свой самолет, а другая — вражескую машину. Этим способом они довольно точно передают молниеносную смену ситуаций воздушной схватки, в которой не бывает ни одной секунды неподвижного состояния противников, не бывает пауз и передышек. Так рассказывал и Баранов. Я постараюсь передать его рассказ. Интересно проследить, как этот человек ищет врага, как он рвется в бой.

Сначала он атакует целую кучу «мессершмиттов» и быстро разделяется с одним из них. Он ведет бой с вражеской парой, когда замечает шестерку «юнкерсов», направляющихся к нашему переднему краю. «Чорт с ними, с «мессерами», надо помещать бомбардировщикам!» — думает он.

Ловко уйдя от истребителей, он гонится за «юнкерсами», с ходу атакует их, одного поджигает и заставляет остальных повернуть от цели. Он еще грозится «юнкерсам», когда его острый взгляд отмечает новую деталь того гигантского воздушного сражения, которое кипит на переставая над степью Придонуя. Он видит, что пять «мессершмиттов» преследуют одного нашего летчика, отбившегося от своих. Они клюют его со всех сторон, а он, бедняга, должно быть, уже подраненный, едва идет, стремясь уйти на свою территорию. И Баранов спешит на выручку.

Он вступает в бой. Один против пяти. Как волчок, вертится истребитель среди врагов, атакует и обороняется, хитрит, пугает,

сбивает немцев с толку. Это неописуемо. Уверенная очередь с короткой дистанции как раз в ту секунду, когда «мессершмитт», выходя из пики, завис и как бы фиксировался в прицеле. Вместо пяти врагов стало только четыре. А братишка-штурмовик тем временем ушел и сел на своей территории.

Бой продолжается, хотя у Баранова кончились боеприпасы. Но вот удобный момент — и ракурс для доброй очереди. Эх, патронов нет! Так что же, выпустить немца? Нет! Баранов наносит удар консолюю своей плоскости по хвосту немецкого самолета. Немец уже никогда не выйдет из этого виража. Вот он закрутился в сумасшедшем штопоре, как будто захотел ввинтиться в землю, как в пробку. Но и у машины Баранова отвалился кусок плоскости. На него несутся два немца. Давайте ближе, я могу рубануть еще раз! Его страсть не погасла, жажда не утолена. Он хочет бить еще и еще, бить, вот что ему нужно!

Но не пришлось ему таранить второй раз. Позревшая плоскость раскрылась от напора воздуха. Самолет Баранова заштопорил. Летчик рванул рукоятку парашюта...

Кажется, в анналах авиации нет подобного эпизода. Когда я думаю о Баранове, о его неутомимой жажде боя, о его яростном таланте истребителя, имеющего на своем личном счету 24 уничтоженных фашистских самолета, мне представляется его детство и юность, проведенные в лучшем из городов, в Ленинграде, мне представляется его маленькая дочурка с ее будущим, которое должно быть счастливым, мне представляется сам Баранов, поучающий молодых летчиков: «Не выходи из боя...» Он принадлежит к тем, кто не выйдет из боя, пока не будут возвращены родине мир и счастье.

2. Четвертый вылет

Недавно мне пришлось побывать в авиационной бомбардировочной части и познакомиться с молодыми летчиками, только еще начинающими свою боевую жизнь. Мне было любопытно познакомиться с этой авиационной молодежью, которая весь первый период войны провела в школе и еще, как говорят, пороку не нюхала.

Совсем еще недавно они вели счет учебным вылетам. Теперь в новых записных книжках делают аккуратные записи о боевых полетах, гордясь тем, что первая страничка скоро будет заполнена, и видя в мечтах сотни бомбометаний на своем счету. Она прилетели несколько дней назад из глубокого тыла на новых самолетах — бомбардировщиках.

Перелет, который они совершили с заводской площадки на фронтовой аэродром, в биографии каждого из этих молодых людей будет многозначительной чертой, означающей окончание юности и начало возмужания, начало суровой жизни война.

Вот эпизод из боевого опыта, который

начали накалывать эти молодые летчики всего неделю назад.

...Когда машина, только что освободившись от бомб, развернулась на обратный курс, экипаж увидел, внизу на дороге столбы дыма. В это время начали действовать вражеские зенитные батареи. Штурман лейтенант Селезов подсчитал, что вокруг самолета одновременно разорвалось шесть снарядов. Немцы вели интенсивный огонь. Но самолет уходил невредимый. Уже он вышел из зоны артиллерийского обстрела, когда штурман Селезов и радист Андрей Дуда почувствовали, что самолет с невиданной силой бросило вниз. Машина проваливалась. Она круто пикировала со страшной скоростью все ближе к земле, к гибели...

Селезов кинулся к летчику. Старший сержант Свичвар сидел на своем пилотском месте, его руки лежали на штурвале и на газе, но они были мертвенно неподвижны. По его лицу текла кровь. Он был жив, но не мог управлять машиной. Ранение

Старший лейтенант А. Шалаевский мастерски владеет искусством штурмовки, 55 раз он вылетал на бомбежку вражеских танковых колонн, переправ и каждый раз доставлял много неприятностей фрицам.

осколком в голову вызвало мгновенный паралич рук.

— Прыгать надо, — сказал Свичкар.

Селезов и Дуда по-разному реагировали на эту команду. С каждым мгновением падающая машина приближала их к гибели. Уже до земли осталось не более тысячи метров. Селезов никогда не пилотировал самолет. Он знал только: чтобы вывести машину из пике, нужно тянуть штурвал на себя. Он решил попробовать. Перевалившись через спинку сидения пилота, он ухватился за штурвал обеими руками и потянул изо всех сил. И самолет начал выравниваться. Непосредственная угроза гибели миновала. Селезов перевел дух, сказал Свичкару:

— Делай разворот!

Летчик молчал. Он потерял сознание. Тогда штурман стал руками толкать левую ногу Свичкара, которая лежала на педали. Машина послушно развернулась и пошла правильным курсом.

— Куда мы летим? — спросил с тревогой летчик, придя в сознание.

— Домой... — ответил штурман и стал вытирать платком кровь на его лице.

Что же делал все это время стрелок-радист Андрей Дуда? Услышав слово «прыгать», он посмотрел вниз. Справа и

слева горели хутора, подожженные немцами. На дороге Дуда увидел движение войск, он знал: то были враги. Самолет мчался уже не более чем в семистах метрах над землей, которую топтали фашисты. И вместо того чтобы прыгать, Дуда начал стрелять. Он стрелял из тяжелого люкового пулемета. Гнев и ненависть вытеснили из его сознания все другие чувства, и он стрелял, не думая, не помня о смертельной опасности, забыв, что самолет со страшной скоростью летит к земле. На одну секунду Дуда перестал стрелять. Он встал в отверстие рядом с тяжелым пулеметом второй, легкой, боевой пулемет и начал бить сразу из двух, работая и коленом, и локтем, и обеими руками. Теперь целью ему служили немецкие окопы переднего края. Он видел, что они обращены к востоку и что в них полым-полно солдаты.

Так повел себя Андрей Дуда, украинский хлопец родом из Донбасса, когда казалось, что жизни осталось у него несколько десятков секунд. Он очнулся, когда осталась позади линия фронта. Самолет шел по горизонту, курсом на свой аэродром. Штурман Селезов вел машину по указаниям летчика, который то терял сознание, то снова приходил в себя.

Тревожны были минуты посадки. Малейший промах грозил катастрофой. Свичкар сказал:

— Выключать будем зажигание... — и снова забылся.

Когда машина коснулась земли и замерла в неподвижности, Свичкар открыл глаза, огляделся и с тоской в голосе сказал:

— Это не наш аэродром...

Но тревога его была напрасной. Чудом спасенная машина и чудом оставшиеся в живых люди были уже дома.

Так закончился этот боевой вылет, четвертый вылет молодого экипажа. Таковы эти молодые соколы. Страха они не знают. Боевого задора в каждом на троих. Науку побеждать они впитывают с жадностью и рвением: ведь им хочется поскорее сравняться с опытными, старыми воинами, к славе которых они по-юношески ревнуют.

— Что вы думаете о своей молодежи? — спросил я командира части майора Борисова.

Он ответил, подумав:

— По-моему, они способны решать боевые задачи в самых трудных условиях. Если им не хватает опыта, что вполне понятно, то уж смелости, усердия и воинской страсти у них огромные, нетронутые запасы.

Капитан А. Харитонов

Разведчик - наблюдатель должен уметь высматривать врага. Но такой разведчик может узнать о враге далеко не все, что необходимо. Для того чтобы раздобыть возможно более подробные сведения о противнике, недостаточно только наблюдать за ним. Надо заставить его обнаружить себя, свои силы и огневые средства. А для этого надо принудить его вступить в бой. Разведка, которая выполняет это требование, и называется разведка боем*.

Внезапность

Профессия бойца-разведчика тяжелая и сложная. Ему приходится постоянно преодолевать трудности, лишения, подвергаться риску и опасностям. Поэтому в отряды боевой разведки включаются воины, надежные, исключительной твердостью характера, силой воли, выносливостью и находчивостью.

Отряд таких разведчиков отлично знает, что затевает он бой только для того, чтобы получить данные о враге. Поэтому, столкнувшись с численно превосходящей группой противника,

* См. «Смену» № 13—14.

отряд вступает в бой только в том случае, когда может рассчитывать на внезапность.

Советское Информбюро сообщало о подвиге разведывательного отряда младшего политрука Дюдина. Отряд шел в разведку. По пути была обнаружена группа фашистских велосипедистов. Тов. Дюдин устроил им засаду. Когда немцы приблизились, наши разведчики внезапно открыли огонь. Они уничтожили девять вражеских солдат и одного офицера. У офицера разведчики обнаружили карту, где были нанесены ценные сведения о расположении вражеских войск, огневых точек и т. д.

Политрук Дюдин отлично выполнял задачу: он добыл особенно важные и полные данные о противнике.

Хитрость

Но не всегда разведывательный отряд может действовать внезапно. Иногда противник замечает разведчиков еще до того момента, когда они изготовились к бою. Тогда на помощь разведчикам приходит военная хитрость.

Разведка как бы иниципни-

рует бой, делает все возможное, чтобы противник убедился в том, что на его линию обороны движется не малочисленный отряд разведчиков, а вся армия. И очень часто разведчикам удается настолько удачно обмануть неприятеля, настолько расстроить его планы, что он начинает отступать.

Герой Советского Союза генерал-майор А. Лизюков рассказывает о таком случае.

В районе деревень Ульяновки и Никольского разведывательный отряд под командованием Шепелева получил задание — разведать боем и установить действительные силы противника, сосредоточившегося в этом районе.

Немцы наступали на деревню Никольское. Встретив сопротивление наших частей, противник остановился и стал подтягивать силы для развития удара в северовосточном направлении. Он стремился захватить Сумы и нанести удар по тылам нашей армии.

Шепелев решил: нанести противнику лобовой удар незачем, ведь необходимо выяснить, вновь прибывающие силы противника. Поэтому бой должен разгораться на флангах и в тылу, а чтобы перехитрить врага, напугать его, следует создать видимость окружения.

Шепелев разбил отряд на две группы и открыл огонь на фланге и в тылу неприятельских частей, сосредоточившихся в районе Никольское. Немцы решили, что их обходят, и, отказавшись от своего первоначального плана наступления, стали беспорядочно отступать. В этот момент гвардейская дивизия, в которую входил разведывательный отряд, ударила немцам в лоб. Противник бежал.

Почему Шепелеву удалось его хитрость? Пото-

Разведчики-мотоциклисты получили боевое задание.

му что он проводил разведку так, что у неприятеля действительно **создалось** впечатление нашего наступления. Противник ни в коем случае не должен догадаться, что перед ним разведывательный отряд, иначе он не раскроет своих сил и расположения огневых точек.

Ночной поиск

Наиболее скрытно и удачно действуют разведчики ночью. Они не только добывают сведения о противнике, но и стремятся захватить «языков», которые могли бы рассказать все нужное о расположении вражеских войск.

В районе Таширово разведывательно-наблюдательные посты установили передвижение частей противника. Командир отряда, оборонявшего Таширово, решил проверить, не делает ли противник перегруппировки. Он выслал в ночной поиск отделение стрелков, шесть автоматчиков и пять истребителей танков, вооруженных бутылками с зажигательной жидкостью. Возглавлял группу лейтенант М.

До наступления темноты лейтенант наблюдал за окопом противника, расположенным на опушке леса. Он старательно изучал ложинки, кустарники, стоящие в поле стога сена и т. д. Каждому разведчику лейтенант объяснил задачу. Он показал, где расположен окоп противника и как к нему незаметно подойти. По его приказанию все разведчики должны были в двенадцать часов ночи собраться на опушке леса, где находился передний край нашей обороны, и отсюда ползком по два человека, один за другим, по добраться через ложинку к стогу сена, а от него к небольшому кустарнику, а отсюда ползком, цепочкой, прямо к окопу немцев. Ползти бесшумно. Первый, кто ближе подползет к противнику, должен ворваться в окоп, за ним другие. В окопе разведчики прикладами оглушат немцев и возьмут их в плен.

Все, кажется, было предусмотрено, рассчитано, азвешено. Но лейтенант допустил одну ошибку: он забыл сказать разведчикам, что некоторые бойцы берут с собой бутылки с зажигательной жидкостью. Эта оплошность сорвала разведку. Вот как это произошло.

Лейтенант шел впереди группы. Разведчики переправились через реку и добрались до ложины. Так же незаметно проползли они к стогу сена. Предстояло пробраться к кустарнику. Но один из бойцов нечаянно ударил автоматом по бутылке, которую нес его сосед. Бутылка вспыхнула. Немецкие дозоры открыли огонь. Разведчикам пришлось залечь. Несколько часов они лежали под огнем неприятеля и возвратились с пустыми руками обратно.

В следующую ночь лейтенант повторил разведку. Но на этот раз он поступил более осмотрительно. Из отряда он исключил даже двух простуженных бойцов, чтобы они кашлем не выдали себя. Зажигательные бутылки он приказал вложить в наспинные мешки бойцов. Разведывательный отряд был разделен на две группы. Первая должна была двигаться прямо на окоп, не боясь, что немцы ее обнаружат. Второй группе было приказано ползти цепочкой в обход

окопа. Когда немцы открыли огонь по первой группе разведчиков, последние должны ответить огнем. Но стрелять было приказано так, чтобы траектория пули проходила над окопом немцев, выше человеческого роста.

— Так немцев мы не уйдем, — объяснил лейтенант, — во заставим их не высовываться из окопа. Кроме того высоко летящие пули не угодят в наших разведчиков, которые обойдут окоп с тыла.

На этот раз план лейтенанта удался. Получилось именно так, как он рассчитывал. Первая группа разведчиков поползла к стогу, миновала кустарник, и тогда, когда разведчики находились уже совсем близко от немецкого окопа, их обнаружил враг. Как и прошлый раз, немецкий дозор встретил разведчиков сильным огнем. Разведчики залегли и открыли ответный огонь. Но стреляли они так, что пули высоко летели над окопом. Воспользовавшись перестрелкой, разведчики второй группы бесшумно пробрались в тыл противника, ворвались в окоп, уничтожили четырех немцев, а двух притащили в расположение наших войск.

Темно как в лесу

Легко сказать «подойти незаметным к вражескому окопу». Сделать это

Бойцы подразделения, которым командует старший лейтенант Барсуков, ведут разведку боем в населенном пункте.

значительно труднее. Чтобы незаметно подкрасться к неприятелю, разведчик должен хорошо уметь ползать.

Переползать можно на открытых местах. В лесу этого делать нельзя. Но и здесь надо искусно передвигаться—так, чтобы враг не видел и не слышал тебя.

Сколько бы ты ни следил за лесом, не доверяй его тишине. «Темно, как в лесу» — говорит народная поговорка. Ее надо повиноваться и в переносном смысле слова. Никогда не входи в лес в одиночку. Ста-

райся двигаться от ствола к стволу. Войдешь на опушку, прислушайся, не раздаются ли вдали подозрительные звуки, пройди шагов сто—сто пятьдесят в глубину леса, прежде чем подать сигнал остальным разведчикам «путь свободен».

Поперечную дорогу или просеку не переходи сразу. Перекрестки—это самые опасные места в лесу. Здесь чаще всего устраиваются засады. Поэтому, подойдя к поперечной дороге или просеке, хорошенько прислушайся и всмотрись прямо перед со-

бой, вправо и влево, посмотри на землю, нет ли подозрительных следов, и только после этого быстро перебеги, а еще лучше—переползи на противоположную сторону.

Враг коварен. Без разведки, непрерывной и постоянной, невозможно одолеть сильного противника. Поэтому каждый молодой патриот, который готовится стать умелым воином, должен тренироваться, развивать в себе качества и знания, необходимые разведчику.

Н А Ч А Л О

Заметки политрука роты снайперов Р. Николаевой

Первый день

Когда я впервые пришла на занятия, командир роты снайперов товарищ Сергеев сказал:

— Вот видите, сколько девушек. Они пришли к нам добровольно. С ними вам и придется работать. Думайте, с чего начинать. В каждом взводе есть заместители политрука. Подолжите с ними. Это ваша опора.

Ровно в 5.30 вечера взводы разошлись на занятия. Командир роты тоже ушел. Я осталась одна. Что же делать политруку в часы, когда его бойцы занимаются? Мне казалось, что моя работа должна проходить в часы, свободные от занятий, и в перерывы. Потом я поняла, что это не так.

Девушки учились переползать по-пластунски. Первое, что бросилось в глаза,—необычайная пестрота нарядов. Особенно выделялась одна. На ней было дорогое платье с кружевами, туфли на высоких каблучках и замысловатая прическа. Скоро она отошла в сторону, чтобы не измять наряд.

Спрашиваю:

— Почему вы не в надлежащем костюме?

— У меня нет.

— А платье попроще можно найти?

— Конечно, товарищ политрук. Но что же я буду в старом являться на занятия?

И неожиданно сама собой пришла тема первой беседы: костюм девушки-бойца. Не скрою, многие были удивлены, почему политрук вдруг заговорил о прическах, о том,

почему военному человеку нужна простая и удобная одежда, не стесняющая движений, и т. д.

Дружеская беседа возымела свое действие. Когда дня через три я ехала в трамвае вместе с группой девушек на занятия, я услышала такой разговор. Девушка (ваш боец) объясняла кому-то, что в брюках ходить удобно, что сейчас их, девушек, обучают военному делу и они должны носить подходящую для полевых занятий одежду, что ничего смешного в этом нет.

— Грустно, очень грустно,—заметила она с явным превосходством,—что вы такой несознательный!

Тут мы встретились взглядом, и она, немножко смутившись, добавила:

— Ну, право же, приходится объяснять азбучные истины!

Кто такой снайпер?

Рота, в которой я провожу политическую работу, состоит из молодых работниц и служащих. Здесь есть токари и фрезеровщицы, чертежницы и секретари, шоферы и корректора. Все они обучаются сейчас одному делу—снайпингу. Профессия снайпера казалась многим недосягаемой. Другие же считали, что научиться без промаха бить в цель—и моментально станешь снайпером.

Когда к нам однажды прибыл генерал-майор Никольский на проверочные занятия, он задал одной девушке вопрос:

— Кто такой снайпер?

— Снайпер—это сверхметкий стрелок.—

выпала без передышки Кулакова и тут же загнулась.

— И только?—переспросил с улыбкой генерал.

Кулакова молчала.

Тут же на поле генерал стал говорить о том большом содержании, которое вкладывается в короткое слово «снайпер», об охотничьих навыках стрелка, о том, как он ловко маскируется, терпеливо выслеживает врага, как добывается сверхметкого огня.

Девушки-бойцы слушали генерала, затаив дыхание. Я поняла, что необходимо глубже познакомиться их с будущей военной профессией, раскрыть многогранность снайперского дела. Для этого пришлось обратиться к помощи газет, журналов. Мне повезло. Как раз в эти дни в «Красной звезде» появился интересный очерк о боевой деятельности знаменитого севастопольского снайпера Людмилы Павличенко. Я решила использовать этот материал для устного рассказа о замечательной девушке, убившей из своей винтовки триста девять немцев. Так и сделала. Надо было видеть, с каким вниманием слушали в роте описание богатой фронтовой жизни Павличенко!

После беседы я спросила:

— Кто хочет говорить?

— У меня вопрос. Давно ли Павличенко стала снайпером? Кем она была до войны...

Еще много вопросов задавали девушки. Чувствовалось, что образ смелой девушки глубоко взволновал всех.

Через день вышел «Боевой листок», в котором была помещена фотография Людмилы Павличенко. «Будем такими, как Людмила Павличенко!»—звал аншлаг. Этот же призыв красной нитью проходил через все письма девушек.

Позднее я случайно обнаружила в комсомольском билете Кулаковой вырезку из газеты: девушка в военной форме. Это была Л. Павличенко...

Надо сказать, что заочное знакомство с Людмилой Павличенко оставило глубокий след в сознании бойцов. Улучшилась дисциплина на занятиях. Девушки стали собраннее, чаще можно было услышать в разговорах ссылки на примеры фронтовиков.

Естественно, что эти разговоры натолкнули меня на мысль пригласить на очередное занятие бывшего военного человека. Такой случай вскоре представился. В Москву приехал знатный снайпер Ленинградского фронта, Герой Советского Союза Владимир Пчелинцев. Он охотно принял наше приглашение.

Больше двух часов длилась беседа. Вопросы не было конца:

— Встречали вы девушек-снайперов?

Будущий снайпер Нина Кириллова.

— Какой характер должен быть у снайпера?

— Как лучше маскироваться?

— Расскажите об удачных своих днях.

— Как вы выбираете огневую позицию?..

На все эти вопросы Пчелинцев подробно ответил. Особенно интересно он рассказал о дуэлях с немецкими снайперами, о той большой выдержке и хладнокровии, которые приходится проявлять стрелку.

После этой встречи у всех появилась твердая уверенность в том, что каждый может при горячем желании и упорстве стать мастером сверхметкого огня, что нужно смело, не смущаясь отдельных неудач, двигаться к намеченной цели.

Каким должен быть боец

С каждым днем среди девушек росло желание скорее пойти в армию, уехать на фронт. Но впереди предстояло еще много дней упорной учебы. На каждой политической форме мы приводили примеры самоотверженности, стойкости, героические фронтовые эпизоды. Смелые и отважные люди — летчики, танкисты, зенитчики и автоматчики — стали предметом зависти многих наших девушек.

— Я хочу на фронт!—эту фразу мы слышали все чаще и чаще.

Но не все, кто занимался в роте, добросовестно относились к учебе: некоторые пропускали занятия, были невнимательны и не могли ответить на самые простые вопросы...

Однажды перед занятием ко мне подошла одна девушка:

— Товарищ политрук, мне хочется на фронт!

— А что вы умеете делать? Отлично ли вы стреляете? Рем вы поедете? Вель фронту нужны мастера своего дела. Почему вы не пришли на очередные занятия?

— Проспала после заводского дежурства...

На очередной пятнадцатиминутке-политинформации речь шла о том, какого бойца ждет фронт и почему сурового осуждения достоин те, кто не дисциплинирует себя в дни учебы.

Фамилию прогульщицы никто не называл, но она поняла, что речь идет именно о ней.

Так, на конкретных примерах, разбирая поведение и учебу отдельных бойцов, девушки сами пришли к выводу, что фронт ждет хорошо обученных, вполне дисциплинированных людей и что надо напрячь все усилия, чтобы стать такими бойцами.

О чем говорили на собрании одного взвода

Четвертый взвод считался одним из последних по дисциплине. Часто можно было слышать там во время занятий разговоры, смех, шутки. Не очень хорошо обстояло во взводе и с успеваемостью. Приглядевшись, я выяснила, что во взводе есть актив, который может горячо взяться за дело. Условились с замполитрука товарищем Шевцовой провести в перерыв собрание и сообща обсудить, почему отстает взвод. Предоставили слово девушкам.

Первой заговорила Степанова.
— Я думаю так, — сказала она, — тот, кто пропускает занятия, вредит всем нам. Мало того, что он отстает от взвода, его приходится подгонять, он еще плохо знает оружие, — значит, на фронте ему будет туго, он не сможет бить врага наверняка. Если мы плохо учимся, мы обманываем себя.

Это выступление задало тон, и те, кто

повинен был в отставании взвода, тут же дали твердое слово относиться со всей ответственностью к занятиям.

Когда Лида К. заявила, что ей трудно будет подогнать взвод, так как она устает после работы, замполитрука спросила:

— А как, по-твоему, сколько бойцы спят на фронте?

Вопрос был поставлен прямо. Девушка растерялась. Она почувствовала, что ее никто не поддержит, что она неправа.

После этого собрания наметился перелом. И теперь вряд ли кто-нибудь скажет, что четвертый взвод стоит на последнем месте. Он старается идти в ногу с остальными.

Девушки вступают в комсомол

Спустя два месяца в роте была создана комсомольская организация. Теперь девушки могли вступать в комсомол не на производстве, а у себя в боевом коллективе.

Первой подала заявление в комсомол Люся Корниенко. Когда в ее взводе был командир отделения, перед командованием встал вопрос: кого назначить? И все как-то сразу остановилось на кандидатуре Корниенко. Это был лучший боец отделения и всего взвода.

Отделение Корниенко — одно из первых в роте. Командир отделения строга, требовательна — и в то же время прекрасный товарищ.

Вслед за Корниенко комсомолу роты Нечукиной подала заявление в комсомол и другой боец — Клава Иванова. Когда ее принимали в комсомол, предупредили: надо в совершенстве знать материальную часть винтовки. Она пообещала, и потом мы видели, как она задерживалась после занятий, пылливо изучала детали винтовки. Девушка сдержала свое слово.

* * *

Больше трех месяцев обучаются девушки снайперскому делу. За это время они стали строже, требовательнее к себе, полюбили коллектив, а главное — поняли, что необученному бойцу на фронте делать нечего и что каждую минуту нужно использовать для изучения того дела, которому они хотят посвятить свою жизнь.

Моряки на суше

Текст лейтенанта В. Рафаловича.

Фото Б. Липскерова

...Они пришли в степь с разных морей и флотов: балтийцы и североморцы — посланцы Тихого океана и Черного моря. Люди беззаветной храбрости и отваги, они по-морячки жестоко бьют врага на суше, защищая советский юг. Недаром немцы называют военных моряков «черными дьяволами».

Прежде чем попасть под Сталинград, мичман П. И. Миронов храбро защищал Севастополь и Одессу. Он был семь раз ранен, но, каждый раз, возвращаясь на поле битвы, он с еще большим ожесточением бил врага. Мичман и его люди стараются подпустить фашистов до своего окопа на бросок гранаты, чтобы вернее разить эту нечисть.

— Из автоматов всех не перестреляешь, да и патронов жалко, — говорят они.

В последних боях за реку Н. мичман Миронов смело контратаковал превосходящего по силам противника. Он поднял и повел в атаку пятнадцать дравшихся вместе с ним еще под Севастополем бойцов своего подразделения. Как львы, бросались морские пехотинцы. Ленточки их бескозырок трепал ветер; казалось, земля дрогнула от могучего удара. И фашисты — их была целая рота — пытались отступить. Но было уже поздно. В ход пошли моло-

дые штыки и ножи, которыми моряки владеют в совершенстве. Победа осталась за ними. Морские пехотинцы уничтожили и рассеяли более роты фашистов. Отличился в этом бою и мичман Миронов: он застрелил из своего автомата трех немецких офицеров.

В мирное время П. Крауз окончил Институт физической культуры. Потом стал моряком. Там, на просторах Балтики, и застала его война. Теперь он воюет на суше, и воюет яростно, дерзко. Не один раз он выполнял сложные и опасные задания командования, пробираясь с боями через линию фронта.

Однажды вечером, в лесу, на перекрестке дорог, старшина первой статьи П. Крауз встретился с группой наших раненых, направлявшихся в госпиталь. Это место бешено обстреливал фашистский автоматчик, прятаясь в чаще леса. Крауз шел с донесением. Ему было некогда. Но оставить раненых без помощи он не мог. И моряк принял смелое решение. С автоматом в руках он открыл дуэль с невидимым противником, хотя самого его прекрасно было видно с любого дерева. В

ответ загремели беспорядочные выстрелы, а этого только и надо было. Ориентируясь на выстрелы, старшина подкрался к фашистской «кукушке» и уничтожил ее. Оказалось, что вражеский стрелок был не один: на деревьях спрятались несколько фашистских стрелков. Все они переселились на тот свет...

Заместителя политрука кандидата партии П. Карпова комсомольцы части выбрали ответственным секретарем бюро ВЛКСМ. Моряк поблагодарил товарищей за оказанную ему честь и поклялся еще крепче бить фашистских оккупантов, личным примером увлекать за собой молодежь. Случай представился очень скоро. С десятью краснофлотцами заместитель политрука атаковал наступающих фашистов и отбил занятую ими высоту. С этой высоты немцы рассчитывали вести огонь по переправе, помешать нашим бойцам форсировать речку. Во время боя за речную переправу Карпов уничтожил 40 фашистов. Он награжден правительством орденом Красной звезды. За героизм и мужество, проявленные в последних боях, тов. Карпов представлен ко

второй правительственной награде. Так комсомольцы «проверили на работе» своего боевого вожака.

Старшина второй статьи В. И. Ожогов — смелый и опытный автоматчик. Так же, как и мичман Миронов, Ожогов очень любит подпускать немецких солдат почти до самого своего окопа, чтобы каждый бросок гранаты пригвождал к земле ненавистного врага.

Недавно на рубеж, который защищал Ожогов вместе со своими товарищами, бросилось столько фашистов, что моряки, ведя непрерывный огонь по врагу, не успевали перезаряжать автоматы. Тогда морские пехотинцы организовали «конвейер»: пока одно отделение стреляло, другое набивало диски.

Горы фашистских трупов устилали подходы к окопу Ожогова, но ни один вражеский солдат так и не прорвался к этому рубежу.

Лучше всего про Ожогова рассказывает его командир — главный старшина Дмитриев:

«Бой был очень горячий. Немцев мы накосили много, но и наши ряды поредели. Я стал оглядывать своих бойцов, а Ожогова не вижу. Потом, когда мы выскочили из окопа и пошли в атаку, я увидел, что Ожогов уселся на холмике, что на левом фланге, уселся поудобнее,

даже ноги под себя подложил — чистый турок! — и знай себе поливает немцев автоматными очередями. Строчит и строчит... Я ему кричу: «Укройся! Голову снесут!..» А он улыбается и говорит: «Зато видно-то как! Стрелять отсюда куда удобнее».

Дмитриев рассказал нам об этом в присутствии самого Ожогова. Тот покраснел, снова заулыбался и смущенно сказал:

— Ничего особенного не было. Да и не заметили меня фрицы. Они бежали так, что пятки сверкали. Где уж там смотреть, откуда стреляют...

Дорога жизни

Н. Михайловский

Поздним осенним утром, едва забрезжит рассвет, издалека доносился глухой гул. Он нарастал с каждой секундой и, наконец, как бы выравнявшись из серой дымки, над Ладожским озером проплывала армада ширококрылых зеленых птиц.

— Курсом вост, «дугласы»! — доклады-валы наблюдатели с сигнальных мостиков кораблей.

Низко-низко, чуть не касаясь верхушек корабельных мачт, стаями пронеслись транспортные самолеты. А где-то высоко кружились над «дугласами» охранявшие их истребители, готовые в любую минуту встретить горячим гостинцем непрошенных воздушных гостей.

«Дугласы» подлетали к ленинградскому аэродрому и один за другим садились на влажную землю. Их встречали знакомые лица. Кто-то тут же смотрел на часы и обязательно поторавливал:

— Скорее, товарищи! С сегодняшнего дня остановку сократили на одну минуту.

Люди открывали дверцы кабин и извлекали из самолетов мешки с сахаром, ящики с макаронами, розовые мясные туши...

Беглый осмотр моторов. Летчики и техники не успевали снять шлемов, как самолеты уже были пустыми. А к машинам двигалась очередь людей с чемоданами, узелками, рюкзаками за спиной.

— Кировцам-танкостроителям привет и почтение!

Летчики приветливо встречали рабочих, помогали им забраться в кабины и удобно разместиться.

Вот уже подан сигнал взлететь. Жужжат моторы, плотно закрыты двери кабин. Кировцы смотрят в окна, машут платками. Самолеты легко трогаются с места и незаметно отрываются от земли.

Так изо дня в день, сутки за сутками, работали летчики транспортной авиации, осуществляя связь страны с великим городом на Неве, замкнутым в кольцо немецкой блокады.

В самые тяжелые дни, когда немцы захватили Тихвин, лишив нас последней железнодорожной магистрали, воздушные корабли перевозили продовольствие для населения города и фронта, доставляли необходимую технику, боеприпасы и непрерывно эвакуировали ленинградских рабочих в тыл.

Затем под ударами Красной Армии немцы откатились от Тихвина и Волхова, и весь грузопоток пошел через Ладожское озеро на кораблях, шхунах, баржах.

В ноябре грянули морозы. У берегов Ладожского озера широкие бесформенные льдины. Последний караван судов с трудом пробился к западному берегу. Корабли пришли, вмерзли, заиндевела.

А ленинградские заводы продолжали ковать оружие для армии. Осажденный город и фронт нужно было попрежнему непрерывно, изо дня в день, питать топливом, продовольствием, боеприпасами. Возник вопрос о новом способе транспортировки грузов. Много было мыслей и предложений: вновь поставить на службу транспортные самолеты, использовать буера, аэросани. В конце концов было найдено самое простое и самое талантливое решение — открыть через Ладожское озеро широкую ледовую дорогу.

Молодым гидрографам, морякам Балтики лейтенантам Чурову и Кондратьеву поручили исследовать трассу будущего пути.

В ночь на 16 ноября по льду, запыренному мелкой снежной пылью, участники маленькой гидрографической экспедиции вышли в путь.

Моряки шли много часов подряд в темноте, ориентируясь только по корабельному компасу. По всему пути они расставляли вешки, измеряли толщину льда. Утром, взглянув в бинокль, лейтенант Чуров вскрипел от досады:

— Чорт возьми! Откуда вышли, туда и пришли...

Перед глазами открылась панорама знакомого берега. Все было понятно: подвел компас. Ныли ноги, ломило тело, и главное, до боли было жаль потерянного времени. Ну, что же поделаешь! Отдохнули моряки, сложили компас и, чуть рассвело, опять двинулись в далекий путь.

Первые километры пройдены. Остановка. Чуров снял с санок топор и, размахнувшись, принялся прорубать лунку. Куски льда летели по сторонам. Лунка становилась шире и глубже, а воды все еще не было видно. Наконец, протянув руку в лунку, кто-то воскликнул:

— Есть вода! Толщина льда — 17 сантиметров.

Сделали отметку на карте, поставили вешку и пошли дальше. Через каждые десять минут гидрографы останавливались и снова с педантичной точностью начинали свою работу, требующую силы, терпения и выдержки.

Где-то совсем рядом проходила линия фронта. Гулко хлопали оружейные выстрелы, доносился треск пулеметов. Не исключена была возможность встречи с немецкими разведчиками. Моряки непрерывно вели наблюдение, были настороже. Там, где лежал снег, гидрографы становились на лыжи, а где блеснула зеркальная поверхность льда, они снимали лыжи и шли, поддерживая друг друга.

Порою путь преграждали высокие, как бы вздыбившиеся ледяные валы. Моряки осторожно переносили через торосы ком-

пас и все имущество. Когда в одном месте пришлось перебираться через ледяной барьер, лейтенант Дмитриев поскользнулся и сильно ушиб ногу. Его подняли, уложили на сани и снова тронулись в путь.

Уже в темноте моряки приблизились к местечку Липкам. Там находились немцы, оттуда доносились звуки пулеметной стрельбы. Спокойно, не торопясь, моряки продолжали свою изнурительную, тяжелую работу.

Так кончились сутки и наступили вторые, а гидрографы без отдыха двигались вперед. К исходу вторых суток моряки

пурга. Перед глазами водителей крутились вихри снежинок. Темь—ни зги не видеть, адский холод. Машины стали.

Тогда вышла на разведку легковая машина комиссара дороги. Через некоторое время послышалась команда: «По машинам!»—и колонна тронулась с места. Первый (можно сказать, исторический) рейс продолжался несколько часов, хотя ветер, вздымающий вихри снега, не стихал ни на минуту. Стихия была побеждена. Все машины достигли противоположного берега.

Так было положено начало освоению

По этой дороге, проложенной на льду Ладожского озера, шли в Ленинград тысячи грузовиков с продовольствием, боеприпасами, оружием.

вступили на противоположный берег Ладожского озера. Они прошли 60 километров, но работа на этом не завершилась. После похода, без передышки, гидрографы сразу же приступили к обработке материалов. Спустя два дня была уже готова карта будущей грандиозной ледовой дороги.

— Мы свое сделали, теперь очередь за «инженером Морозом»,— шутили гидрографы.

«Инженер Мороз» долго ждать себя не заставил. Он с каждым днем становился все более свирепым. Слой льда нарастал.

И вот началась вторая часть эпопеи. Сотни людей вышли на строительство дороги. Они шли вслед за снегоочистителями, ставили вешки, огораживали трещины, сооружали снежные домики.

28 ноября на трассе были закончены подготовительные работы. От одного берега к другому протянулась широкая, гладко укатанная снежная магистраль. Ночью с восточного берега тронулись первые сто машин. Они шли на полной скорости. На полпути задул ветер и разразилась злая

этой беспримерной в истории ледовой дороги.

На трассе работало несколько тысяч машин. На первых порах у некоторых водителей было чувство неуверенности—едешь по открытому ровному месту, а впереди—обнаженные участки льда, кажется, что это проталины и вот-вот попадешь в воду. Но скоро привыкли шоферы и к мнимым темным пятнам и к самым настоящим трещинам, обозначенным ночью красными сигнальными огоньками, привыкли к пурге и снежным заносам.

В мороз и пургу вдоль трассы стояли регулировщики и фонарем указывали дорогу. Эти люди жили на льду в палатках и снежных домиках, уютно обставленных, теплых, с меховым полом, устланным елочными ветками.

Днем и ночью по трассе двигался бесконечный поток машин, доверху нагруженных мясными тушами, мешками с мукой, сахаром и крупой.

Почти ежедневно над трассой появлялись немецкие самолеты. Они норовили выскочить из облаков, сбросить бомбы и

быстро скрыться в облаках. Фашистские бомбардировщики приходили сюда под прикрытием целой стаи «мессершмиттов». Сколько раз они пытались разбомбить дорогу, парализовать эту жизненную магистраль! А дорога действовала, с каждым днем рос поток грузов. Нередко за одни сутки проходило по Ладоге 2000 машин!

Шоферы привыкли к налетам воздушных пиратов. Многие водители в момент, когда над ними кружилось фашистское воронье, даже не выходили из кабин. Они научились точно определять время, когда бомбардировщик идет в пики и сбрасывает свой груз, и, подобно искусным кораблеводителям, маневрировали, «уклонялись» от бомб. Потери наших машин были ничтожны, — меньше, чем немцы потеряли самолеты над снежной магистралью.

Нередко над Ладогой разыгрывались ожесточенные воздушные бои. Однажды летчик Сычев, не раз участвовавший в схватках с фашистскими пиратами, барражировал над трассой. Он был вездущим четверки. Час он кружил в воздухе и уже собирался пойти на посадку, как вдруг в стороне, выше наших ястребков, летчик заметил две пары «мессершмиттов». Сычев подал сигнал летчикам — принять боевой порядок. «Мессершмитты» сразу открыли

огонь. Ястребки сманеврировали, взмыли вверх, оказались над «мессершмиттами» и в конечном счете захватили инициативу боя.

Но вот два «мессершмитта» бросились на летчика Сычева. Он развернулся и пошел в лобовую атаку на одного из врагов. Вплотную приблизился к «мессершмитту», нажал гашетки пушек и пулеметов и ударил по самым уязвимым местам немецкого самолета — поединок кончился победой Сычева. Но в это время лейтенант почувствовал что-то неладное в своей машине. Нарушилось управление. Летчик не вышел из боя, он дрался яростно, остервенело и ушел на аэродром одним из последних. Мастерски совершил он посадку на одно колесо.

Мужественно, бесстрашно охраняли балтийские летчики ледовую дорогу, через которую в тяжелые дни блокады страна поддерживала связь с великим городом Ленина.

Кончится война, и о строительстве этой дороги, о людях, которые прокладывали великий ледовый путь, будут написаны тома. Тогда перед нами откроется во всем своем величии эпопея сооружения трассы, которую без всяких прикрас можно назвать дорогой жизни.

Д О Н

Надежда Белинович

О Русь, страна лесов и пашен,
Где полноводный, вольный Дон
Кольчугой зыби изукрашен,
Войной жестокой раскален.
Князь Игорь пил донскую воду,
Черпнув шеломом из реки,
На Дон Димитрий-воевода
Привел московские полки...
Опять в дыму донское солнце,
И степь в завесе огневой,
И гнев у каждого оконца
Стоит, как зоркий часовой.
Копыта вражеского танка
В Обдону свежем мнут поля.
И ты услышишь спозаранку,
Как стонет русская земля.

И словно в поле Куликовом
Теперь во всех донских полях
Бойцы сражаются сурово,
Как и у Дмитрия в полках.
И размета' по ветру песню:
«Гей на коней, гуляй душа!»,
Отец-казак с сынами вместе
Здесь скачет, травы вороша;
Чтобы не выпили тевтоны
Донскую свежую струю,
Чтобы во имя жизни Дона
До капли жизнь отдать свою...
И конь казацкий мимо пашен
На злую сечу мчится вскачь.
Мы победим, как предки наши,
Пройдя горнило неудач!

Палачи прячутся

Владимир Беляев

Палачи издавна боялись общения с людьми. Они вздрагивали, услышав веселый крик ребенка. Возница, мирно дремлющий на облучке проезжающей мимо их жилья телеги, казался им мстителем за убиенных, и они поспешно закрывали ставни. Мало кто из простых смертных, разве только начальник тюрьмы или начальник полиции

знал, где живет палач. Они прятались от людских взоров в часы своего досуга, они жили нелюдьями и зачастую под чужими фамилиями. Под конец своей карьеры, отправив на тот свет этак человек пять сот, такой палач забирался куда-нибудь подальше, в глухомань, и доживал свои дни на сребренники, полученные за кровь каз-

ненных людей, боясь скрипа ветвей за окном по ночам, пугаясь крика совы или завывания ветра в печной трубе. Всюду чудилась ему наступающая рука мстителя.

Как же должны вести себя палачи, ежедневно подписывающие смертные приговоры целым деревням, городам, народам, истребляющие в неустанной жажде крови целые страны?! Палачи прошлого, их коллеги по топору, кажутся жалкими пигмеями по сравнению с теми мастерами казни, которые действуют сейчас. Знаменитый парижский палач Дейблер — карлик, шенок по сравнению с Гитлером, Гиммлером и прочими мастерами убийства, которые открыто, с дичинной откровенностью несут на околышах своих фуражек эмблему смерти.

Дейблеру не снилось то логовище, которым располагает сейчас господин Адольф Гитлер.

Еще в самом начале своей карьеры палач Адольф Гитлер прежде всего подумал об удобной норе, в которой он бы мог скрываться от мести ненавидящих его людей.

Это его логовище — Берхтесгаден — расположено неподалеку от австрийской границы, на вершине Оберзальцберга, в Баварских Альпах. Здесь, в просторных залах своего дворца, Адольф Гитлер вынашивал в полном одиночестве безумные планы завоевания мира. Отсюда шли его приказы об уничтожении старинных английских городов, здесь он подписывал приказ разрушить до основания непокорные — Варшаву и Белград, отсюда он двинул свои коричневые полки на Россию.

Гитлер поселился в Берхтесгадене давно, года двадцать два назад, еще в те времена, когда он назывался Шикльгрубером. Старожилы расположенной у подножья горы деревни хорошо запомнили, как появился в их краях этот странный тип с черными усиками, со злым, перекошенным лицом и словно нарочно придуманной фамилией — Шикльгрубер, — которой обычно награждались в австрийских юмористических романах самые глупые и комические герои. Он бродил по горам с альпийской палкой, что-то измерял рулеткой, ко всему принохивался, ко всему приотматривался. Но разве мог кто-либо из крестьян, живших здесь, думать, что их любимая гора приняла самую страшную из гадин, каких знало человечество?!

Разве могли крестьяне предполагать, что

эта гадина — новый их сосед — отравит своим зловонием не только частый, горный воздух Баварских Альп, но и воздух многих других стран?!

Может, — знай бы они это раньше — они сами с легкой душой и чистым сердцем придумали бы змею тут же, у подножья горы, зли сбросили на голову означенному Шикльгруберу с вершины скалы один — два камешка поувесистее?!

Поселившись в Оберзальцберге «спаситель» человечества Шикльгрубер, по кличке Гитлер, с места в карьер стал заботиться о сохранении своей собственной шкуры.

Теперь вся местность на восемь миль вокруг Берхтесгадена «обнесена» проволочными заграждениями, окружена фортами, противотанковыми рвами, орудиями, целые воинские гарнизоны охраняют Гитлера от «благодарных» соотечественников. Дворец фюрера сообщается с внешним миром при помощи тайного подъемника. Кто бы ни направлялся с докладом к Гитлеру — будь то Геринг, либо начальник охраны капитан Брюкнер, или даже его, Гитлера, прославленная потаскуха Лени фон Рифеншталь, — их невзирая на чины и положение тщательно обыскивают.

Так вот и выстраивают они подолгу специальные, предназначенные для обыска каюты — розовый, обрюзгший, словно облепленный жиром рейхсмаршал Герман Геринг и тощая, как вола, Лени фон Рифеншталь. Покорно ожидают они, пока личные охранники фюрера не ощупают всю их одежду, не заглянут в самые укромные места их тела.

По примеру своего фюрера надежные логовища выстроили себе и другие палачи Германии.

В 1936 году около деревни Сант-Квириг в Баварии начал строить себе убежище начальник гестапо Гиммлер. В два с половиной миллиона марок обошлась германскому народу постройка норы этого хищника.

Господин Гиммлер соорудил в своем поместье подземные бомбоубежища, подземный гимнастический зал; а чтобы снаружи не было очень заметно, что ему страшно жить и в этом логове, доты, окружающие владения господина Гиммлера, замаскированы под крестьянские дома.

Рейхсмаршал Герман Геринг в свое время клялся, что если хоть один самолет противника сбросит бомбы на немецкую территорию, он, Герман Геринг, немедленно дует себе пулю в лоб.

Однако, давая такое торжественное заверение, Герман Геринг в то же самое время распорядился выстроить себе бомбоубежище побольше и понадежней. По своей площади бомбоубежище в личном имении Геринга в Баварии чуть-чуть только меньше бомбоубежищ, которыми предусматрительно оснастил свой Берхтесгаден Адольф Гитлер. Но и в этой крепости Гитлеру живется не очень спокойно. Был однажды случай, что мститель проник в личный кабинет фюрера и стрелял в Гитлера, но промахнулся всего на каких-нибудь два—три сантиметра. С этой поры Берхтесгаден охраняется еще тщательнее, а главный палач носит пуленепроницаемую рубашку и выезжает из дворца не иначе, как в бронированном автомобиле.

Но и это помогает мало.

В последние ночи сон хозяина Берхтесгадена окончательно испортился. Когда немецкие самолеты уничтожали Ковентри, Бристоль, убивали ни в чем неповинных английских детей, стариков и женщин, он было время — заснул с удовольствием.

Хорошо тогда жилось господину Шикльгуберу в его Берхтесгаден! Спал и видел разбомбленную Англию, сожженную Россию, обезглавленных югославских партизан, поставленных на колени гордых норвежцев. Но хорошие сны быстро кончаются!

Сейчас, когда все крупные германские города с наступлением темноты задают себе один и тот же назойливый вопрос: «Не наша ли скоро очередь?» — именно сейчас на смену давним, хорошим снам пришла к фюреру тягостная бессонница. Он мечется один по огромным пустым залам своего горного дворца, подбегает к его окнам, с тревогой поглядывает на небо; ему мерещатся среди поблескивающих звезд сигнальные огоньки чужих самолетов. Ему слышится гул их моторов. С этим неумолкающим гулом в ушах он в страхе спускается в бомбоубежище, подбегает к письменному столу, рука его дрожит, чернила разбрызгиваются, он пишет один приказ за другим.

Шикльгуберу-Гитлеру страшно.

Его мучает бессонница.

Р у р н а д о б о м б и т ь

Владислав Якубович

Мрачное, вечно гремящее Северное море виднеется сквозь разрывы облаков. Уже несколько часов звено самолетов-разведчиков, покинув ангары, мчится на восток.

Тяжелые волны Северного моря катятся бесконечными валами. На черном фоне моря проступили еле заметным пунктиром серые точки. Это Фризские острова. От Нидерландов до Дании тянутся они вдоль германского побережья. Здесь большие и маленькие острова и совсем крошечные островки. На одних разместились города, на других приютились лишь одинокие домишки, превращенные теперь в замаскированные доты с зенитными орудиями.

Глаза летчиков с напряжением всматриваются в туманную мглу. Именно в этих местах патрулируют вражеские истребители. Именно здесь немецкие звукоуловители ловят гул моторов. Разведчики поднимаются еще выше и идут на предельном потолке, одинаково недостижимые ни для снарядов зениток, ни для истребителей.

Разведчики стремятся к Рур — основному промышленному району Германии. Пленка должна запечатлеть разрушительную работу бомбардировщиков, несколько дней тому назад посетивших эти места...

Самолеты летят над Руром. Сквозь серый, наполненный дымом воздух видны надшахтные постройки, высокие трубы фабрик и заводов, домы с цилиндрами кауперных аппаратов, длинные мрачные строения, из которых вырывается огонь плавильных печей. Причудливым узором выглядят сверху лабиринты железнодорожных путей, то скрещивающихся, то разветвляющихся; веерами расходятся запасные пути фабрик и заводов; прямыми линиями протянулись судоходные каналы; петляют многочисленные реки, перегородженные множеством плотин.

Вот уже на горизонте показались закопченные здания города Эссена, крупнейшего по числу жителей из городов Рура (в Эссене проживает 660 тысяч человек). Здесь находятся главные предприятия военной промышленности Германии, крупнейшие металлургические заводы, гиганты машиностроения.

Рур поставляет не только каменный уголь. Здесь сильно развита и металлургическая промышленность. Она удовлетворяет свыше 80% всей потребности Герма-

нии в чугуне и стали. Железную руду для металлургии привозят из Швеции, Франции, Испании, и только в очень небольшом количестве (не больше 5% общего количества) она поступает из рудников, расположенных в самом Рурском бассейне.

В Эссене находятся знаменитые заводы Круппа — одного из влиятельнейших магнатов Германии. О размерах крупповских предприятий можно судить хотя бы по сталелитейному заводу, который фактически является городом, окруженным стеной в 11 километров длины.

Эссен считается «оружейной кузницей» Германии. А Крупп — ее владелец. Недалеко в центре города воздвигнут памятник Фридриху Круппу, первому пушечному фабриканту Германии. На доколе памятника выбит девиз фирмы «Крупп»: «Цель труда — общее благо». Рабочие Эссена читают эту надпись иначе: «Цель труда — его благо». Именно их каторжному труду Крупп обязан своим процветанием.

Фридрих Крупп начал свою деятельность с государственной измены. В 1813 году, незадолго до войны Пруссии против Наполеона, он числится муниципальным со-

ветником Эссена. Но как только французские войска заняли город, Крупп принес присягу на верность Наполеону. За это французские власти осыпали немецкого пушечного фабриканта своими милостями. Он был назначен квартирмейстером армии завоевателей. Его сын Альфред тоже удостоился высокой награды: он получил от Наполеона III орден почетного легиона. Это не мешало ему шантажом добиваться у Бисмарка германских правительственных заказов, угрожая в противном случае передать свое предприятие во французские руки.

В 1895 году, во время японо-китайской войны, Фриц Крупп снабжал обе стороны оружием. Не было ни одного вооруженного конфликта в мире, когда фирма «Крупп» не была бы связана и с той и с другой воюющими сторонами и не зарабатывала бы на поставках оружия обоим противникам.

Нынешний глава фирмы — Крупп фон Болен-Гладбах — перещеголял всех своих предков. Накануне первой мировой войны, когда уже было ясно, что Англия откажется от нейтралитета и примкнет к противникам Германии, Крупп продал англий-

Посмотрите на карту. Вот как выглядит сверху знаменитый Рейско-Вестфальский промышленный район Германии. Индустриальное ядро этого района известно под названием Рурского бассейна, или Рура, хотя он простирается далеко за пределами бассейна реки Рур и даже за пределами каменноугольного бассейна, получившего имя от той же реки.

Здесь, на площади протяжением в 100 километров с востока на запад и в 20—30 километров с севера на юг, индустри-

альные города и поселки, шахты, фабрики и заводы следуют друг за другом без перерыва.

Основное богатство Рура — уголь. 75% всей добычи угля в стране приходится на Рур. В этом индустриальном районе сосредоточены предприятия крупной металлургической промышленности, дающие более 80% всей выплавки чугуна и стали Германии, заводы тяжелого машиностроения, предприятия военно-химической и оружейной промышленности.

ской фирме «Виккерс—Армстронг» патент зажигательной гранаты. Таким образом, каждая английская граната, приносящая смерть немецким солдатам, в то же время давала Круппу заработок в один шиллинг и при пенса. После войны фирма «Армстронг» должна была Круппу 123 миллионов шиллингов.

Только за один последний год Крупп получил 288 миллионов марок валового дохода. Чистая прибыль крупповских заводов за 1936 год составила 165 миллионов марок. Между тем 100 тысяч рабочих крупповских предприятий за тот же год получили всего 145 миллионов марок заработной платы!

Финансовая поддержка, которую Крупп оказывал фашистам до их прихода к власти, возвращается ему сторицей. Не за страх, а за совесть стараются гитлеровцы умножить прибыли «почетного гражданина» «третьей империи».

* * *

От Эссена зрело разведчиков поворачивает к центру каменноугольной и химической промышленности Рура и пролетает над городами Бохумом и Гельзенкирхеном, шахты которого считаются самыми продуктивными в мире. В этих местах, между реками Руром и Эмшером, глаз тщетно ищет свободный клочок земли. Нескончаемой лентой тянутся фабричные здания, высокие трубы выбрасывают клубы черного дыма. Маленькие рабочие поселки, отдельные кирпичные домики сменяют друг друга. Вся местность, насколько хватает глаз, расчерчена линиями железных дорог, прорезана сетью каналов.

Кельн появляется не сразу. Сначала за сверкающей лентой Рейна возникают шпиль его собора, затем громады промышленных предприятий, заводские строения, склады и элеваторы.

Кельн — третий по числу населения город Германии (760 тысяч жителей), важнейший железнодорожный узел и речной порт. В Кельне находятся крупные машиностроительные заводы, химические фабрики. Здесь тоже вырабатывается большая доля вооружения фашистской Германии.

Сверху видны развалины заводов и зданий, остатки речных пристаней, замусоренные пустыри на месте подъездных путей — результаты недавних бомбежек английских бомбардировщиков.

* * *

Самолеты летят вдоль Рейна. Вот и Дюссельдорф — один из центров германской сталелитейной, машиностроительной и химической промышленности. Заводы и фабрика этого города, кроме стали в бол-

ванках и проката, выпускают паровозы, машиностроительное оборудование для колес, всевозможные механизмы, вагоны, котлы, химические реактивы и препараты.

Киноаппарат запечатлевает на пленку огромные разрушения, которые сделала английская авиация во время последних налетов. Груды развалин на месте главного цеха сталелитейного завода «Шталверк Кригер», хаос обломков там, где прежде выселись здания машиностроительного завода «де-Лимон, Флюме и компания». Трубопрокатные цехи завода «Феникс роренверк» разрушены, остальные сильно повреждены. Вместо бумажной фабрики черное пожарище. Нет и корпусов машиностроительного завода «Веркедей машиностроительная фабрика», и зданий спиртоводочного завода, и основного здания текстильной фабрики «Камгарн шпиннерей». Заметно уменьшилось число доков, складов и верфей на Рейне.

Разведчики заканчивают съемку. Самолеты вновь идут на большой высоте, и только там, где к широкой полосе Рейна присоединяется узкая ленточка реки Рура, на несколько минут они снова снижаются. У слияния Рура и Рейна расположены города-близнецы Дуйсбург — Рурорт. Это крупнейший речной порт в Европе и центр речных коммуникаций Рура. Здесь, кроме портовых сооружений, находится множество предприятий сталелитейной и химической промышленности, бумажные фабрики, стекольные заводы, мельницы, верфи, доменные печи... Сейчас многие из них чернеют провалами окон, развороченными крышами, закопченными стенами. Теперь Дуйсбургу хорошо известна английская бомбардировочная авиация.

Ее удары испытали не только Дуйсбург и Рурорт. Следы налетов изменили облик Эссена, Кельна, Дюссельдорфа, Золингена и многих других городов. Промышленности Рура нанесен значительный ущерб. Но это — только начало. Рур — адская кухня гитлеровской Германии — должен быть разрушен дотла.

Любой, даже самый небольшой рейд бомбардировщиков в район Рура будет приносить большой эффект. Тут каждая бомба произведет большие разрушения. Никакая маскировка, никакая противовоздушная защита не может оказаться существенной, потому что целью здесь является не отдельное предприятие, а вся огромная площадь Рурского бассейна.

Чем чаще будут воздушные налеты, тем больше авиобомб будет сброшено на Рур, тем скорее будет подорвана военно-промышленная мощь гитлеровской Германии.

ОРУЖИЕМ ХУДОЖНИКА

Лев Длигач

Этот высокий, худой, похожий на Дон-Кихота человек в роговых очках пользуется заслуженным уважением на Черноморском флоте. Он завоевал это уважение страстным, глубоко принципиальным отношением к своему искусству и тем, что всегда был верен воинскому долгу художника-бойца.

Еще в первые дни отечественной войны, когда мне поручили вести сатирический отдел флотской газеты, я мечтал о Сойфертисе — остром и умном карикатуристе. Сойфертис приехал, но не сразу удалось ему найти себя в массовой фронтовой газете. Сойфертис пошел по пути наибольшего сопротивления, никогда и ни в чем не отрякаясь от своих приемов, от своей условной и тонкой манеры письма, от своего видения мира.

Сойфертис «оморячивался» и включался в работу газеты, не прибедняясь и не подменяя своеобразное привычным, увиденное заимствованным, конкретное абстрактным, — и Сойфертис, победил, как всегда побеждают принципиальность и верность своему призванию.

У Сойфертиса была одна задача — бить врага карандашом художника, бить метко, бить со всей силой своего творческого темперамента, никогда не подымая полых гирь и не замахиваясь впусую.

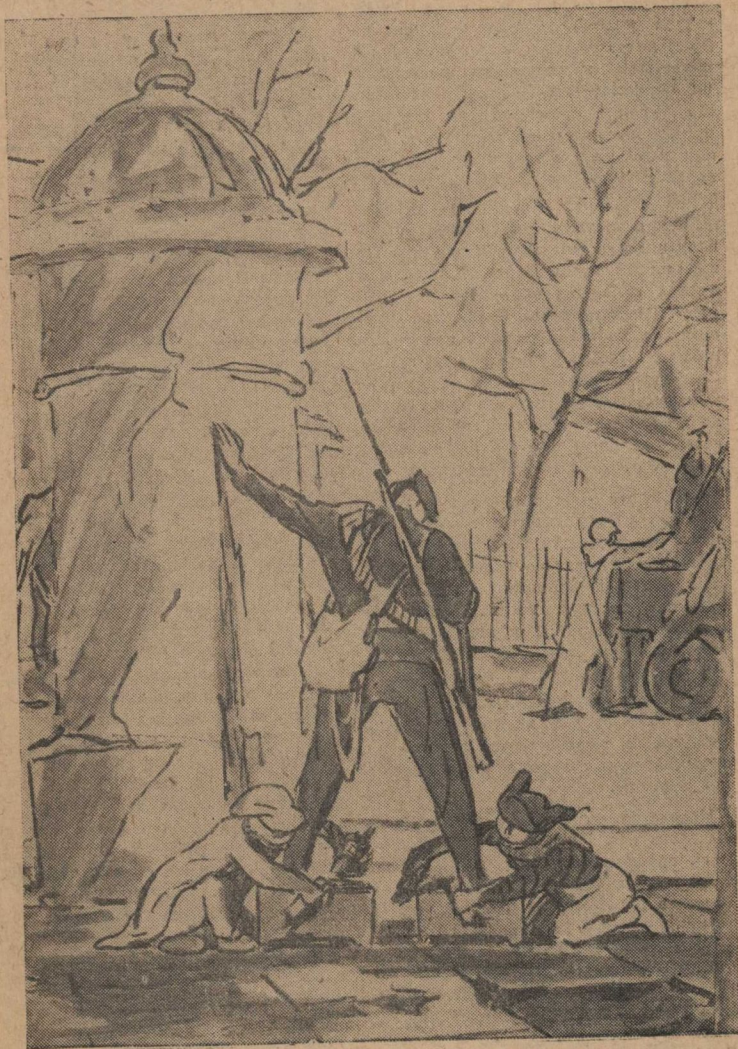
Целеустремленность художника сказывалась и в его отношении к войне, к ее опасностям и тревогам. Сойфертис всегда вел себя мужественно, и я часто завидовал его равнодушию к дыму и грохоту боя. Но никогда Сойфертис не шел в огонь, на передовую линию или на особенно яростно обстреливаемый участок «просто так», чтобы, как это делали многие другие, «героев посмотреть и себя показать». Сойфертис отправлялся в горячие места только с определенным творческим заданием, которое он разрабатывал и выполнял с огромным упорством, трудолюбием и великодушием.

требовательностью к себе. Поэтому так продуманны, взаимосвязанны и выразительны его севастопольские и одесские пейзажи, эскизы и портреты. Как живой штрих бессмертной обороны Севастополя в мое сознание вошел «бытовой» рисунок Сойфертиса — краснофлотец, увешанный гранатами, стоящий на двух подножках для чистки обуви, опершись об афишную тумбу. Боец горопитается, и его походные башмаки надраивают два маленьких чистильщика.

Карикатуры Сойфертиса, напечатанные в «Рынде» (так называется сатирический отдел газеты «Красный черноморец»), стоят в ряду лучших сатирических вещей, появившихся в период отечественной войны. Карикатуры Сойфертиса остры и лаконичны, они почти не требуют подписи; часто одно слово раскрывает весь их подтекст: Гитлер в больничном халате «выслушивает» долговязый скелет, подпись: «Годен!»; голодная семья сидит у пустого стола, Геббельс бежит с радиотарелкой и салфеткой в руке, подпись: «Кушать подано!» Такими вещами богаты альбомы Сойфертиса.

Немало талантливых рисунков Сойфертиса было использовано для листовок, сброшенных в стан врага. Понимание психологии гонимого на смерть немецкого, румынского, итальянского солдата, умение высмеять фашистских воротил так, чтобы смех этот был заразителен и для гитлеровских солдат, которым запрещено думать, лаконичность и снова лаконичность — вот в чем сила листовок, к которым приложил свою руку Сойфертис.

Художник сражается карандашом, пером, кистью и в этом видит свой воинский долг, свое боевое призвание. Такое понимание своей роли помогло Сойфертису создать альбомы, которые заняли почетное место в арсенале боевых средств Черноморского флота и войдут в число лучших произведений изобразительного искусства отечественной войны.

«НЕКОГДА»

«ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ»

Мертвые проснутся

Станислава Дашевская

Рис. П. Митурича.

Домик, в котором жила моя подруга Боженка Ожеховская, стоял на самом краю предместья. Дикий виноград вился по его водосточным трубам, заползал на крышу. Я взбежала на крыльцо, овитое густой сетью винограда, и постучала. Скрипнула в сенях половица, я услышала явственно шорох, легкие шаги, но дверь не открывали. Тогда я постучала еще сильнее. В сенях стало тихо. «Странная история! — подумала я. — Ведь Боженка сказала, что будет меня ждать. Неужели она ушла?»

Постояв еще минуты две у закрытой двери, я шагнула в садик, чтобы взглянуть в окно. В эту минуту дверь за моей спиной с треском распахнулась и я услышала звонкий голос подруги:

— Я же говорила, что это ты, а мама испугалась и шепчет: «Какая-то женщина незнакомая до нас пришла». Заходи, Стася, заходи и не сердись, что долго не открывали!

Я прошла вслед за Боженкой в столовую и только хотела громко поздороваться с ее родными, как слова приветствия застряли у меня в горле.

На обеденном столе посреди комнаты стоял черный, длинный гроб.

«У Ожеховских покойник? Но почему же Боженка меня не предупредила?»

Возле окошечка, выходящего на пустырь, я увидела отца Боженки — старого Вацлава Ожеховского. Много лет он проработал химиком на фабрике оружия на Каменке и только перед самой войной вышел на пенсию.

Присев на полу около жестяного противня, залитого маслом, копошился брат Боженки — краснопопский семнадцатилетний Адаш, слесарь с той же каменковской оружейной фабрики. Около комода сосед Ожеховских гимназист Збышко тщательно вывёл тонкой кисточкой на квадратной табличке какие-то буквы. Да и сама Боженка — стройная, крепкая девушка с пышными, зачесанными назад каштановыми волосами, краснощекая, как и ее брат, — тоже была занята. Поверх клетчатого шерстяного платья, чтобы не запачкаться, она повязала голубой резиновый фартучек. Вся семья Ожеховских была в сборе. Старый Вацлав, Адаш, Боженка, ее тайный и застенчивый поклонник Збышко, седая пани Каролина — мать подруги — все они были тут, но чей же тогда гроб чернел на столе? Для кого он был приготовлен, если все они были здесь, живые и здоровые?

— Ну вот, пане Вацлав, — нарушил молчание Збышко и показал старому Ожехов-

скому жестяную табличку. — Так будет хорошо, правда? — и он прочел громко, не отрывая взгляда от букв: — «Тут покоится погибший смертью героя во время обороны дорогой нашей отчизны хоронжий 21-го полка пехоты Марьян Богушевский. Честь его памяти». Достаточно, не правда ли? Или, может быть, еще что-нибудь дописать?

— Дописывать не надо, — глухо и ворчливо ответил Ожеховский, — а надо все переписать сначала.

— Почему же? — дрогнувшим голосом спросил Збышко и покосился на Боженку.

— Проще надо. По-солдатски. И кто тебе велел делать его хоронжим? У хоронжего могут быть ордена, немцы станут их искать, разорют могилу, — и что тогда? И насчет отчизны лишнее. Надо так написать. Ну, скажем: «Здесь покоится убитый во время сентябрьских боев за Варшаву стрелок Марьян Богушевский. Упокой, господи, душу его». И все.

— Ну хорошо, я переписшу, — покорно согласился Збышко и снова уселся за край комода.

— Смазал, тато. Густо смазал, — заявил в эту минуту Адаш.

Он поднялся над противнем, и я увидела в руках у него скользкий от ружейного масла пулемет.

Ожеховский оглядел смазку, по-хозяйски провел пальцем по блестящему прикладу пулемета и сказал:

— Ну что ж, заворачивай!

— Мамусю, дайте тряпок, — попросил Адаш.

Мать протянула ему рваную, выпыстную юбку, с нескрываемым страхом посмотрела на пулемет, перевела взгляд на меня, и вдруг ее точно прорвало.

— Ты видишь, видишь, что они задумали, Стася! — дрожащим голосом сказала она. — Они хотят под видом убитого солдата оружие похоронить. Да еще где! Возле самого нашего дома! Чтобы немцы пришли и всех нас за это расстреляли. Образуем их, Стася, скажи моему Вацлаву, может быть, он хоть тебя послушает... Он не хочет думать о будущем наших детей.

— Замолчи, старая, — подходя к жене, сурово и нежно сказал Вацлав, — видать, как была ты для них матерью (он посмотрел с любовью на Боженку и Адаша), так только матерью и осталась. А я больше тебя думаю об их будущем и потому это делаю. Но не хочу, чтобы мои дети на всю жизнь разами у немцев остались. Понимаешь? Я хочу, чтобы у них была на-

Вацлав Ожеховский взял солдатскую фуражку, выдернул из околыша кокарду и протянул ее мне.

дежда на волю. А надежда будет, если будет вот это! — с этими словами Вацлав отодвинул крышку гроба и осторожно положил туда поданный ему Адасем и завернутый в тряпки ручной пулемет.

Почти до самого верху тяжелый и просторный дубовый гроб этот был набит свертками с оружием.

Так вот, оказывается, какого покойника застала я в это утро в домике Ожеховских!

Часа через два мужчины вынесли тяжелый гроб во двор. Адась, вытянув назад жилистые свои руки, один поддерживал узкий край гроба.

Старик Вацлав вместе со Збышком несли изголовье гроба на полотенце, как носил покойников. Старому было нелегко, и он, кряхтя, переступал с ноги на ногу, да и Збышко с трудом передвигал ноги, и его худая, поросшая светлыми волосами шея

покраснела от ватуги. Мы шли за гробом поодаль, и Боженка тихо прошептала мне:

— Всю ночь они вчера собирали оружие в парке Падеревского. Из окопов вытаскивали, у офицеров убитых из кобур пистолеты доставали, а мой Збышко целых шесть заряженных гранат сам лично подобрал. Вот не подумала бы про него раньше, правда? Два карабина в гробу этом положено, а патронов столько, что целый полк немецкий перестрелять можно. Молодцы наши мужичины! Верно, Стася? И как было бы здорово, если бы каждая польская семья такие запасы сделала!

Яму для «покойника» Ожеховские уже выкопали заранее. Небольшая насыпь желтела возле кривого клена, на краю пустыря. Яма была глубокая, и, когда гроб съехал, соскользнув на веревках на дно, стукнуло о землю, мы услышали, как звякнуло в нем оружие: точно вилки в ложки в ящике комода, выдвинутом внезапно. Комья свежей глины сразу же попали на крышку гроба, гулко засыпали ее.

Когда над могилой вырос гладко выровненный лопатами бугорок, Вацлав Ожеховский вбил у изголовья простой сосновый крест, а Збышко приколотил к нему табличку с надписью:

«Тут покоится прах
убитого во время сентябрьских
боев за Варшаву стрелца
Марьяна Богушевского.
Упокой, господи, душу его!»

А на свежую глину могильной насыпи старик Ожеховский положил простую солдатскую конфедератку с белым орлом на околыше.

Прошло полтора месяца. В холодный ноябрьский день мимо стоящих у моста Понятовского немецких патрулей, мимо дымившихся в парке Падеревского походных кухонь я снова шла на Грохов, к Боженке. Листья уже давно облетели — деревья стояли голые, печальные; изредка проносились над ними, будто ныряя в холодном осеннем воздухе, стайки заблудивших чижей.

Дома у Ожеховских я застала одного Вацлава. Он сильно постарел за эти полтора месяца, что мы не виделись, — новые морщины избороздила его открытый, умный лоб, а в глазах появилась решимость. — Эти немецкие подлещи и у нас здесь расквартированы, на Грохове, — сказал мне старик, — у Збышка тоже поселили двоих. Ну, подожди, Стася, мы еще им покажем, что такое настоящая война! Родная бабуш-

ка их не узнает. В восемнадцатом году мы позволили им целыми уйти домой — теперь дудки! Ни один не вернется отсюда живым. Хватит для всех места в Висле!

Я рассказала старику, что покидаю Варшаву. Что тяжело мне жить в опоганенном немцами городе, горько видеть, как толпчат они такие милые и родные варшавские тротуары. Я рассказала Вацлаву, что завтра ухожу на восток, ухожу к Советам. Он выслушал меня молча, внимательно, а потом позвал за собой во двор. Мы вместе подошли к могиле стрелца Марьяна Богушевского. Глинистый бугорок был уже густо засыпан золотисто-красноватыми и твердыми кленовыми листьями. Под сосновым крестом лежала мокрая, потемневшая от осенних дождей солдатская фуражка.

Мы остановились возле могилы, и Вацлав глухо сказал мне:

— Не знаю, Стася, что тебе посоветовать. Делай так, как подсказывает тебе сердце. Иди. И если тебе будет у них хорошо, не пиши нам. Мы бы и сами, быть может, пошли с тобой, да жаль расставаться с родными местами. Мне нечего дать тебе, Стася, на дорогу: хлеба у нас мало, а денег — еще меньше. Но вот возьми на память от всех нас, пусть этот значок будет тебе талисманом, — с этими словами Вацлав Ожеховский взял с могилы солдатскую фуражку, выдернул из ее околыша белого орла и протянул его мне.

Я с благодарностью взяла дорогой талисман. Я пронесла его с собой в подкладке осеннего пальто тысячи километров до советской земли.

Третий год эта простая солдатская кокарда — белый оцинкованный орел — хранится у меня в шкатулке, среди писем матери и самых дорогих памяток об утраченной отчизне. За все это время, следуя нашему уговору, я не написала Ожеховским ни строчки. Но я верю, что увижу когда-нибудь и старика Вацлава, и красношюкого Адася, и добрую Каролину, в застенчивого Збышко, и мою подругу Боженку. Иногда я достаю из шкатулки талисман, вглядываюсь в него и вспоминаю одинокую могилу стрелца Марьяна Богушевского на далеком гроховском пустыре. Я знаю, что на моей родной польской земле не мало еще таких могил, охраняемых смелыми мстителями, которые отплатят немцам за горе, нанесенное народу. Мстители ждут часа, когда придет пора открывать стрелецкие могилы. Этот час придет! Мертвые проснутся! С ними вместе проснется и похороненный нами тягостной осенью тысячи девятьсот тридцать девятого года стрелец Марьян Богушевский...

Перевел с польского В. Беляев

КОГДА ПРИКЛАД ТОЛКАЕТ ПЛЕЧО

С. Вальдгард

Каждому, кому приходилось стрелять из винтовки, хорошо знаком толчок, который испытывает плечо при выстреле. Пуля выбрасывается вперед, а ружье отбегает назад. Приклад толкает в плечо бойца. Начинающие стрелки часто боятся отдачи и, стремясь уменьшить толчок, неплотно прижимают приклад к плечу. Но результат получается плачевный. Если неплотно прижать приклад, удар о плечо будет еще сильнее.

Почему происходит этот толчок?

При выстреле в канале ствола образуется большое количество пороховых газов. С громадной силой они давят на пулю и толкают ее вперед. Но с такой же силой газы давят и в других направлениях. Давят они и на дно гнезда, а через него на затвор, и толкают винтовку назад. Одна сила действует вперед, на пулю, другая — назад, на винтовку.

Если вы ударите кулаком по столу, то с такой же силой стол ударит по вашему кулаку. Когда гребец толкает веслами воду назад, вода толкает весла (а через них и всю лодку) вперед. Все это называют законом действия и противодействия.

Значит, раз газы толкают пулю вперед, обязательно должна возникнуть вторая противодействующая сила, направленная назад. Причем сила отдачи, действующая на винтовку, столь же велика, как и сила, толкающая пулю.

— Позвольте, как же так?! — воскликнете вы. — Сила пороховых газов выбрасывает пулю на большое расстояние — до 3½ километров. Если эта сила равна силе отдачи, то почему винтовка не отлетает на такое же расстояние?

Это недоразумение легко объяснить хотя бы на таком примере. Вы ударяете ногой футбольный мяч. Он далеко улетает вперед. Попробуйте с такой же силой ударить тяжелый камень. Отлетит ли он? А ударили вы с одинаковой силой. В чем же дело? В том, что масса камня во много раз больше массы кожного мяча. Вот почему и результаты получаются разные. Масса пули весит 9,6 грамма, а масса винтовки (со штывком) — 4,5 килограмма, то есть в 468 раз больше! Поэтому винтовка от действия газов приобретает в 468 раз меньшую скорость, чем пуля. Если пуля вылетает из дула со скоростью 865 метров в секунду, то винтовка от действия отдачи получает скорость всего лишь около 2 метров в секунду.

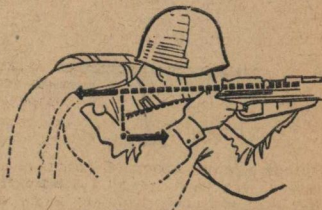
Когда происходит выстрел и газы начинают толкать пулю вперед, а винтовку назад, передний, дульный конец ствола резко вздергивается. Его точно какая-то сила подбрасывает вверх. Пуля от этого летит

выше, чем надо, нарушается меткость стрельбы.

Отчего дергается ствол винтовки? Что мешает вам произвести меткий выстрел?

Прежде всего здесь влияет сила отдачи. Она направлена назад и действует по оси канала ствола, то есть на высоте верхней части винтовки. Отдача передается через приклад и давит на плечо стрелка. Но действие одной силы вызывает противодействие другой. В ответ на давление приклада плечо бойца с такой же силой давит на приклад винтовки. Причем сила давления плеча на приклад расположена ниже силы отдачи, действующей на высоте канала ствола. В механике такое действие сил принято называть «парой сил». Оно всегда вызывает вращение предмета. Возьмите любой предмет, например книгу, и потяните ее в обе стороны одной рукой в верхней части, другой — в нижней, — книга повернется вокруг какого-то центра.

То же происходит и при выстреле. От действия «пары сил» винтовка немного поворачивается и дульный конец ствола вздергивается вверх.

Если мысленно продлить направление сил (пунктир на рисунке), то мы увидим, что между ними по высоте имеется определенное расстояние. Это расстояние между обеими силами называется «плечом пары сил». Чем больше это расстояние, тем больше вращение предмета и наоборот.

Чтобы вредное вращение и вздергивание винтовки было меньше, надо, чтобы расстояние между силами «пары» было короче (по высоте). Для этого сила противодействия плеча стрелка должна быть приложена в возможно более высокой точке приклада.

Каждый стрелок должен помнить правильно: для меткой стрельбы надо не только плотно прижимать приклад к плечу, но и правильно его вставлять в плечо и прижимать всей поверхностью, а не только нижним краем.

А. Абрамов, Ю. Долгушин

Стрелять быстрее

С момента изобретения огнестрельного оружия конструкторы всего мира стремились увеличить скорострельность ружья. Первые старинные ружья заряжались через выходное отверстие дула. Туда насыпался порох, затем палочкой — шомполом — крепко загонялся пыж, потом вставлялась пуля и снова — пыж. Долгая процедура!

Когда был изобретен патрон со вставленной в него пулей, ускорился процесс заряжания. Сложная техника выстрела при помощи тлеющего фитиля или искры, высекаемой кремнем, тоже упростилась: выстрел начал производиться одним нажатием на спусковой крю-

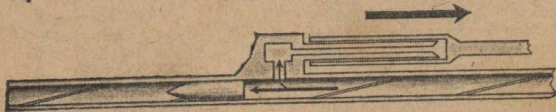
чок. Скорострельность ружья сразу увеличилась в несколько раз.

Потом ружья стали винтовками. Потом был изобретен «магазин» — коробочка с запасными патронами при винтовке. На вооружении армий появились магазинные винтовки.

Но современем стрельба из магазинной винтовки тоже перестала удовлетворять армию. «Стрелять еще скорее!» — требовали военачальники. Изобретатели придумали пулемет. Но пулеметом нельзя вооружить каждого бойца. Что же, рядовому бойцу так и оставаться с винтовкой, дающей 10—12 прицельных выстрелов в минуту?

Нет! Еще в первую мировую войну были применены самозаряжающиеся винтовки. Такие винтовки делали в минуту вдвое больше выстрелов, чем обычные. С тех пор во всех странах конструкторы работают над созданием наилучших самозаряжающихся, или, как их называют, самозарядных, винтовок. У нас в армии их чаще называют полуавтоматами, потому что в них вся подготовительная к выстрелу работа производится автоматически, без всякого участия стрелка.

Как же можно заставить винтовку автоматически выбросить пустой патрон, зарядиться новым и взвести курок?

Из ствола через маленькое отверстие газы попадают в газовую камеру, а оттуда — в патрубок.

Газовая камера

Опромяная мощность выстрела объясняется сверхбыстрым образованием пороховых газов. Температура этих газов достигает 3 тысяч градусов — вдвое больше температуры, при которой плавится сталь. Кроме того давление пороховых газов в стволе винтовки достигает почти 3 тысячи атмосфер. Это значит, что на каждый квадратный сантиметр внутренней поверхности канала давит груз трехтонного грузовика. Три тонны на каждый квадратный сантиметр! Таких давлений в современных машинах не бывает!

Но даже тогда, когда пуля уже вылетела из винтовки, давление газов в

стволе все еще остается около 450 атмосфер. А 450 атмосфер — это в несколько раз больше, чем давление газов в цилиндре самого мощного двигателя внутреннего сгорания.

Нельзя ли как-нибудь использовать такое огромное давление? Ведь это энергия, которая через какую-нибудь ничтожную долю секунды совершенно бесполезно исчезает. Почему бы не заставить ее работать, например перезарядить винтовку? Так и решили сделать наши конструкторы.

И вот, недалеко от выходного конца ствола, в его стенке, просверливается небольшое отверстие. Когда

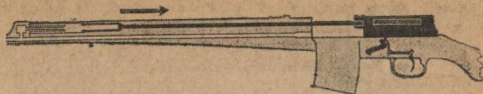
пуля под давлением быстро расширяющихся газов приобретает уже почти наибольшую скорость, она проходит мимо этого отверстия и открывает выход газам из ствола вверх. Газы бросаются туда и попадают в устроенную снаружи стволу, против отверстия, маленькую коробочку — газовую камеру.

Ворвавшись в газовую камеру, газы ищут выхода из нее. Выход есть — в коротенькую трубочку, идущую назад. Эта трубочка называется газовым патрубком. Газы устремляются в патрубок, но тот оказывается закрытым. На его выходной конец плотно надет маленький стаканчик — ци-

цилиндра. Однако цилиндр этот не закреплен неподвижно. Спиральная пружина, надетая на стержень цилиндра, — шток — только прижимает дно цилиндра к отверстиям патрубка.

Газы ударяют в дно цилиндра и оказываются сильнее пружины. Они отталкивают цилиндр назад и вырываются наружу. Зачем все это делается?

Пороховые газы трудились даром. Отброшенный ими назад шток цилиндра оказался прикрепленным другим концом к затвору. Поэтому, откинув цилиндр, газы одновременно подали назад и затвор. А это как раз и нужно для перезарядки винтовки. Вот как конструкторы остроумно заставили пороховые газы делать то, что должна была делать рука бойца, причем

Откинув цилиндр, газы подают назад и затвор.
Затвор взводит курок спускового механизма.

гораздо скорее, чем это мог бы сделать человек.

Отъезжая назад, затвор выдергивает из патронника стреляную гильзу и выбрасывает ее вон.

На освободившееся место пружина магазина сейчас же подает новый патрон.

Затвор отъезжает назад до упора, но пружина тотчас же возвращает его обратно, толкая вперед. При этом затвор становится в боевое положение; сжимается пружина курка для удара по стержню ударника.

По дороге затвор захватывает поданный магазином навстречу новый патрон, вгоняет его в патронник и застреляет там.

А ударник... Что же делает ударник? Разбивает бойком капсюль нового патрона и снова происходит выстрел?

Э, нет! Это ведь не автоматическая винтовка. В самозарядной винтовке — полуавтомате — затвор доходит до конца, а ударник останавливается на полдороге, не ударив по капсюлю.

ШТЫК — МОЛОДЕЦ

Штык — любимое оружие русских воинов. Можно привести много примеров, когда русский штыковой удар решал исход крупных сражений.

Трудно сказать, кто и когда изобрел это смертоносное холодное оружие, но можно проследить путь его зарождения.

До XVII века армейские ружья не имели штыков. Заряжалось ружье с дула. Отнимало это много времени, да и пехотинец в этот момент был безоружным. Поэтому одна половина пехотной части вооружалась обычно ружьями, другая — пиками. Пока заряжался ружья, действовали пики.

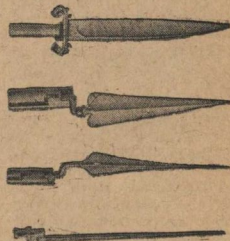
В конце XVII века французский маршал Вобан при осаде города Байоны вооружил всю свою пехоту ружьями. Каждому стрелку он выдал особый нож с круглой деревянной рукояткой, которую можно было в момент рукопашного боя вставлять в дуло ружья. Такие ножи получили название байонетов, в честь города Байоны. Их и можно считать предками штыка.

Но байонеты еще не решали вопроса, так как вставленные в дуло ружья, они исключали возможность стрельбы.

Уже в последующие годы (1670—1700) военная практика подсказала, что куда удобнее прикреплять штык к винтовке при помощи специальной трубки, которая надевается на ствол ружья. Это позволяло пехотинцу стрелять с прикинутым штыком. В руках пехотинца удалось соединить и холодное и огнестрельное оружие, что, естественно, вызвало переворот в тактике пехоты.

В русской армии штык был введен при Петре I. Особенно хорошо овладела штыком русская армия при Суворове.

Несмотря на то что техника войны далеко шагнула вперед, штык в руках советских воинов остается грозным оружием в борьбе с немецкими оккупантами.

Длинный путь прошел штык. На рис. 1 показан байонет конца XVII века, на рис. 2 — штык начала XVIII века, на рис. 3 — штык второй половины XVIII века. На последнем рисунке — современный штык.

На двести лет раньше

В 1308 году испанцы первые из европейских народов применили артиллерию. С помощью пушек они завоевали Гибралтар.

Пушки того времени были крайне несовершенны. Судя по старинным летописям, они стреляли каменными ядрами всего на «полтора перестрела», то есть надо полагать, на 200—250 метров.

Основной недостаток орудий заключался в том, что их приходилось заряжать с дула. На это тратилось много усилий и, главное, времени. Пока пушкеры

прочисали дуло, закладывали заряд, затем сваряд, орудие бездействовало. Надо было усовершенствовать процесс заряжания. Триста лет бились над разрешением этого вопроса литейщики пушек всех стран мира и не смогли найти удачного решения.

Идея заряжания орудий «с казны», а также мысль об устройстве нарезных орудий впервые появились и были осуществлены в России.

В 1615 году неизвестным русским мастером была построена бронзовая пищаль, имевшая клиновый затвор — предшественник затворов, принятых теперь в артиллерию всех армий мира. Эта пищаль, сохранившаяся и поныне, имеет на стенках канала ствола 10 спиральных нарезов и заряжается с казенной части.

В Западной Европе подобное орудие с нарезами изготовили только к концу XVII века. Что же касает-

ся клинового затвора, то он в Европе появился значительно позже. Массовое же применение нарезные орудия и клиновые затворы получили только в XIX веке.

Любопытно отметить, что родоначальником клинового затвора считал себя пресловутый германский «пушечный король» — Фридрих Крупп. Об этом он много говорил и еще больше писал.

Но в 80-х годах прошлого столетия Крупп посетил артиллерийский музей в Петербурге и увидел там старинную русскую пищаль с клиновым затвором. «Пушечный король» был поражен тем, что безвестный русский мастер опередил немцев на целых 200 лет!

Пушка начала XIV века.

Первая торпеда, взорвавшая корабль

Торпеду изобрели в Австрии в 1860 году. Но применить ее там не сумели. Ровно через 17 лет англичане впервые попытались использовать торпеду в бою. Английский крейсер выпустил торпеду по вражескому кораблю, но промахнулся.

Честь первого успешного применения торпед принадлежит русским морякам.

Это было в ночь на 28 января 1878 года. Шел сильный снег. В нескольких милях от Батума появился русский военный пароход «Константин». Командовал им капитан 2-го ранга С. О. Макаров. Он должен был произвести у восточного побережья Черного моря боевую демонстрацию, чтобы отвлечь внимание турок от других районов, где предполагалась основная операция.

С парохода «Константин» спустили на воду два парохода катера, вооруженных

торпедами. Ярко светила луна. Через два часа близости батумского маяка показались довольно большой двухмачтовый пароход. Убедившись в том, что пароход военный, катера приблизились к нему на расстояние меньше чем 100 метров и выпустили торпеды.

Они взорвались почти одновременно. Турецкий пароход накренился на правый борт и быстро затонул почти со всей командой. Это был турецкий сторожевой корабль «Игтйбол» водоизмещением в 700 тонн — первый в мире корабль, потопленный торпедами. И сделали это отважные русские моряки.

Отв. редактор — Д. В. ПОСТНИКОВ.

Зам. отв. редактора — Ю. А. ЭШМАН.

Адрес редакции: Москва, 40, улица «Правды», 24.

Тел. Д 3-34-24.

Непринятые рукописи не возвращаются.

А 61664. Подписано к печати 7/Х—42 г. Изд. № 802. Формат 72×110 см. 3 п. л. Тираж 60 000 экз. Заказ 2419.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.